

АБСОЛЮТНОЕ

ОРУЖИЕ

КОЛЛЕКЦИЯ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ
САГА О ДЖИННАХ:

СПЯЩИЙ ДЖИНН
КЛАДБИЩЕ ДЖИННОВ
ВОЙНА С ДЖИННАМИ

Сага о джиннах

Василий Головачев

**Сага о джиннах: Спящий
джинн. Кладбище джиннов.
Война с джиннами (сборник)**

«ЭКСМО»

1987-2002

Головачев В. В.

Сага о джиннах: Спящий джинн. Кладбище джиннов. Война с джиннами (сборник) / В. В. Головачев — «Эксмо», 1987-2002 — (Сага о джиннах)

ISBN 978-5-699-69270-5

Джинны – порождение галактической сверхцивилизации – атакуют Землю на протяжении нескольких человеческих поколений. Борьба с джиннами стала делом целой династии Ромашиных. Несколько раз чаша весов судьбы клонилась то в одну, то в другую сторону. И каждое новое вторжение удавалось отбить все более дорогой ценой. Наконец пришло время последнего боя. Сочетание традиций классической НФ и современного остросюжетного фантастического боевика в первых трех романах из легендарного цикла о джиннах, созданного Грандмастером отечественной фантастики! В сборник вошли произведения: • Спящий джинн (1987); • Кладбище джиннов (2000); • Война с джиннами (2002).

ISBN 978-5-699-69270-5

© Головачев В. В., 1987-2002

© Эксмо, 1987-2002

Содержание

Спящий джинн	6
Пролог	6
Витольд Сосновский	10
Информация к расследованию	15
Игнат Ромашин	16
Информация к расследованию	21
Ян Лапарра	22
Информация к расследованию	27
Игнат Ромашин	28
Информация к расследованию	34
Витольд Сосновский	36
Информация к расследованию	39
Игнат Ромашин	40
Информация к расследованию	43
Витольд Сосновский	44
Информация к расследованию	47
Игнат Ромашин	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Василий Головачев
**Сага о джиннах: Спящий джинн. Кладбище
джиннов. Война с джиннами (сборник)**

© Головачев В.В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Спящий джинн

*Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.*

А. С. Пушкин.

Демон

Я враг небес, я зло природы...

М. Ю. Лермонтов.

Демон

Пролог

Возвращение звездной экспедиции – всегда событие, особенно если она возвращается из глубокого поиска. Но крейсер пограничной службы Даль-разведки «Лидер» с экипажем, укомплектованным пограничниками и сотрудниками отдела безопасности Управления аварийно-спасательной службы, пришел незаметно, имея связь только с руководством погранслужбы.

Он выполнял особое задание и груз на борту имел специфический: оружие.

Четыре года назад военные историки, изучающие документы конца двадцатого – начала двадцать первого века, обнаружили сверхсекретные материалы блока НАТО – военного союза ведущих капиталистических держав, – в которых говорилось об отправке в космос армады автоматических космических кораблей с оружием. Маньяки, цеплявшиеся за тезис наращивания вооружений «для защиты Земли от космического нападения», не могли спокойно смотреть, как после выхода документа ООН о всеобщем и полном разоружении уничтожаются запасы ядерного и обычного оружия, и тайно отправили опасный груз с тем, чтобы перехватить его в удобное время и использовать по назначению если не на Земле, то где-то в другом районе космоса.

Сведений о перехвате у историков не было, но не проверить правдивость документов служба безопасности человеческой цивилизации двадцать третьего века не имела права, и «Лидер» был отправлен в космос в направлении Гаммы Геркулеса – именно в том направлении должны были двигаться ракеты с оружием, вылетевшие с Земли два века назад.

Три года ушло на расчет и уточнение траектории ракетного поезда и поиск груза, и вот «Лидер» вернулся, загруженный оружием, вернее, образцами оружия для музеев истории и военной техники, остальное было уничтожено далеко от Солнечной системы. Представители умиравшего блока НАТО так и не смогли догнать свой страшный, смертоносный и опасный арсенал...

Крейсер подошел к одной из финиш-баз спасательного флота, «привязанной» орбитальным лифтом к Марсу, и запросил разрешения на стыковку.

Спустя полчаса экипаж крейсера был отправлен на карантин, длившийся трое суток.

Последним после карантина крейсер покидали его командир Калаев и руководитель десанта Игнат Ромашин.

– Вот мы и дома, – сказал Калаев, глядя на близкую громаду Марса в растворе главного виома.

– Дома. – Ромашин мельком взглянул на виом, упаковывая в громадную белую сумку вещи, разложенные на пулте.

Калаев пригладил вихры пышной шевелюры, посмотрел на его спину с буграми мышц, хмыкнул:

– Зачем тебе это барахло?

– Сувениры. Память. Если бы Лапарра услышал, что ты назвал его бесценные реликвии барахлом, он бы не простил. Хорошо, что мне удалось прихватить лишние экземпляры, коллекционеров среди моих друзей хватает.

Калаев покачал головой.

– Ну карабин, положим, еще можно повесить на стену как трофей, хотя это чистой воды снобизм, а регалии?

Ромашин со скрежетом затянул «молнии» на сумке и закинул ремень на плечо.

– Зам. моего начальника Первицкий – заядлый фалерист, который собирает значки, медали и ордена с доисторических времен. Видел бы ты его коллекцию! Это ему презент. Пошли?

Калаев взял свою сумку с эмблемой Даль-разведки, окинул рубку печальным взглядом и грустно проговорил:

– Это мой последний дальний поход, Игнат. В следующую экспедицию пойдешь с другим командиром.

– Не пойду, – улыбнулся Игнат. – Меня ждет Лапарра. Я обещал ему, что вернусь в отдел при первой возможности.

– Наземный сектор?

– Наземный. Неплохо звучит?

Земной, наземный, Земля...

* * *

Он возвращался домой со сложным чувством сожаления, вины и радости. Оказывается, он отвык от Земли! Прошло всего три года вдали от нее, а он уже забыл детали, помнил, что Земля – это что-то большое, зеленое, доброе и радостное. И теперь «детали» напоминали о себе сами: автоматикой зданий и технических сооружений, ветром сквозь лапы елей, улыбкой солнца, голосами детей, потоком людей у станций тайм-фага. Оказывается, он многому разучился, несмотря на тот же распорядок жизни на корабле, разучился даже вести себя. Иначе почему тогда многие оглядываются вслед? Может, потому что в его облике видна внутренняя тревога? Постоянное ожидание опасности? Готовность к немедленному действию? Наверное...

Калаев заметил это сразу, но он на пятнадцать лет опытнее...

Игнат оставил такси на крыше дома, потом вспомнил правила и скомандовал киб-пилоту: «Свободен». Двухместный пинасс умчался, приняв чей-то вызов.

Игнат подумал несколько мгновений, улыбнулся в душе, вспомнив, как звонил домой под чужим именем, узнать, есть ли кто дома. Ему ответили, и хотя голоса он не узнал, главного добился. Он зашел в одну из ниш вечернего отдыха, созданную зарослями тенистого клена, достал из сумки парадную форму официала спасательной службы и переоделся. Затем подмигнул сам себе, накинул на шею ремень карабина, о котором говорил Калаев, и спустился к лифту. Через минуту он стоял перед знакомой дверью, снявшейся ему не раз, и странная робость закралась в душу, будто ждал его за дверью неведомый экзамен, не сдать который он не имел права.

Дверь в ответ на мысль-приказ утратила монолитность, Игнат шагнул сквозь ее голубую завесу в прихожую. Из гостиной ему навстречу вышла тоненькая девушка с сеткой эмкана на пышных волосах. Увидев ослепительно-белую фигуру, сверкающую множеством пряжек, застежек, карманов и поясков, с устрашающего вида карабином на плече, она невольно попятилась и стянула с головы эмкан.

– Простите, вам кого?

Игнат растерялся, так как ожидал увидеть лицо матери или отца, но перед ним стояла удивленная не меньше его незнакомка, имевшая с кем-то отдаленное сходство. Она была очень молода, мила, крупный рот не портил лицо, а глаза были серые, лучистые и внимательные.

У Игната мелькнула мысль, уж не промахнулся ли он этажом, но приходящая была знакома, гостиная тоже, запахи напоминали ему детство: он был дома.

– Извините, – пробормотал он. – Вы, кажется?..

Девушка вдруг зажала рот рукой и тихонько засмеялась.

– Ой, не узнал! Вот здорово! Здравствуйте, дядя Игнат.

– Привет, – тупо сказал Игнат. – Ну конечно, Дениз!

Это была Дениз Сосновская, которую он помнил тонюсенькой, как стебелек ромашки, светлоголовой, доверчивой девчушкой, большеглазой и серьезной.

Игнат засмеялся вслед за девушкой.

– Низа! Вот это сюрприз! Не узнал, честное слово! Я звонил, думал, мать ответила или кто-то из гостей.

– Это была я. Мы уже неделю гостим у вас.

Они отсмеялись, поглядывая друг на друга сквозь матовое стекло памяти, потом Игнат поднял сумку, которую оставил у порога, достал оттуда пакет, развернул фольгу и подал Дениз букет цветов.

– Это тебе, из оранжереи корабля.

Дениз молча приняла цветы, глаза ее вспыхнули восхищением. Цветы были ярко-алыми, крупными, похожими на пляшущие языки пламени и пахли незнакомо: нежно и тревожаще.

– Какие красивые! Спасибо!

Игнат поймал ее взгляд и хмыкнул про себя: похоже, то время, когда его боготворили, не успело забыться.

Он прошел в свою комнату, бросил сумку на диван, с удовольствием ощущая полузабытые запахи знакомой обстановки. Включил видеопласт, и домашний координатор послушно преобразил комнату в поляну, окруженную березовым лесом. Дениз остановилась на пороге, поглядывая на него из-за букета.

– Садись, – спохватился он, подвигая сумку. Снял карабин и сел рядом, размышляя, ждать ли родителей дома или махнуть к кому-нибудь из них: мать работала в Институте видеопластики, а отец... три года назад, как раз перед полетом, его назначили на пост директора УАСС.

Дениз встретила его взгляд и покраснела чуть ли не до слез. Тогда Игнат начал рассказывать, где был, пока девушка не заслушалась. Наконец он прервал поток красноречия:

– Извини, я могу делиться впечатлениями целый день, а ведь ты, наверное, занята?

Дениз покраснела.

– Готовлюсь к экзаменационной сессии, но... все наоборот, это ты меня извини, что не даю оглядеться. Я поставлю цветы в воду?

– Конечно, только посоли воду.

Дениз вышла.

Игнат встал, прошелся по комнате-поляне, выключил видеопласт, комната приобрела прежний вид. Что-то мешало ему, какое-то давнее воспоминание, будоражащее память. Что-то связанное с Дениз... или с ее братом... не вспомнить, пожалуй. Игнат с досадой щелкнул пальцами, волнение не давало сосредоточиться.

Вошла Дениз.

– Поставила. Ну и красивый же у тебя костюм, дядя Игнат!

Она принялась с интересом рассматривать нашивки, кармашки, ремни и отличительные знаки официала аварийно-спасательной службы.

– Это парадная форма спасателя-безопасника, – ответил Игнат, в свою очередь незаметно разглядывая девушку. – Никогда не видела? Отец же надевал.

Память настойчиво тасовала картины прошлого: как Дениз делилась с ним школьными новостями, плакала на груди, смеялась, сердилась, когда он не принимал ее переживаний всерьез... Но тщетно Игнат пытался вызвать в памяти образ прежней девочки, возникала абстрактная фигурка... светлое пламя волос... глаза с вечным вопросом... и тихий смех... Перед ним же стояла взрослая, оформившаяся девушка, серьезная, естественная в каждом жесте, еще не осознавшая своей привлекательности.

– А это – оружие?

Мысль с переодеванием уже не казалась Игнату удачной. К тому же накатило нетерпение: ждать не хотелось, появилось желание действовать, звонить на работу отцу, бежать, мчаться, лишь бы не ждать. Но он сдержал себя. Взял карабин за ствол и передал Дениз.

– Это «дракон», ракетный карабин с автоматической сменой боя. Ужасно тяжелая и неудобная машинка.

– Машинка? – фыркнула девушка. – Ой, действительно тяжелая! А ты стрелял из него?

Игнат, помедлив, кивнул, закатал рукав куртки и показал на левой руке три длинных белых неровных шрама.

– След так называемой веерной пули. Она рикошетирует от любого предмета, и от нее очень трудно увернуться, особенно когда она расщепляется на десять иголок. Мы не знали, вот и получилось.

Дениз потрогала шрамы и спрятала руку за спину.

Игнат засмеялся, отобрал карабин.

– По твоему лицу легко читать, о чем ты думаешь. Если честно, полет был трудный. Многие из моих друзей были ранены, один погиб, а я... я был осторожен. Ты ждала меня?

Дениз вспыхнула и выбежала из комнаты.

Игнат улыбнулся и стал переодеваться в любимый голубовато-серый костюм, включив сумматор моды. Чувствуя некоторую скованность, он вышел в гостиную, где Дениз строила замок впечатлений от их встречи. Неизвестно от чего оба смутились, хотя Игнат отметил этот факт для себя с изумлением, он протянул девушке ажурный браслет удивительно тонкой работы из голубого металла.

– Мы нашли целый сейф таких безделушек. Красивый, правда?

– Очень!

Браслет был холодным и тяжелым, и Дениз удивленно подняла взгляд, в котором смешивались радость, и смущение, и еще что-то, чему Игнат не мог сразу подобрать названия, но что радостным толчком отозвалось в сердце.

– Браслет из чистого осмия, – пояснил он. – Два века назад он стоил баснословно дорого.

– Но ты, наверное, вез его для мамы...

– Не беспокойся, маме тоже есть подарок.

Он помог Дениз надеть браслет, и в это время в прихожей чуть слышно всхлипнул дверной автомат.

Игнат выскочил в прихожую – это пришла мама...

Витольд Сосновский **стажер отдела безопасности УАСС**

Игнат, прищурясь, смотрел на утреннее солнце, застрявшее в ажурном перекрытии террасы, а я смотрел на него. Внизу под нами дымился и плавился сааремский пляж, продавленный обилием человеческих тел. И это называется пятница, обычный рабочий день...

Игнат искоса посмотрел на меня и неожиданно подмигнул:

– Может быть, лучше позагорает?

– Издеваетесь, инспектор? – вздохнул я в ответ.

Игнат оценивающе прошелся взглядом по моей фигуре, отчего я невольно втянул живот.

– Похвально, варяг, на попятную и правда идти поздно.

Я пожалел, что уговорил Игната поехать с утра сюда. Самолюбие, видите ли, выиграло! Надо мне было затрагивать эту тему... Теперь доказывай, что ты не верблюд... а осел!

Игнат повернулся и пошел к эскалатору, а я смотрел, как он идет. Ноги Игнат ставил так, будто при каждом шаге пробовал ступней зыбкую почву и, только убедившись в прочности земли, переносил тяжесть тела на всю ногу. Раньше я никогда не видел у него такой походки, а может, просто не присматривался. Три года назад, перед тем как он улетел в свою долгую командировку, мне было шестнадцать, и ценил я в то время в своем старшем друге такие качества, как сила, ловкость, реакция. Я, конечно, и сейчас ценю эти качества, но теперь они не кажутся мне главными... Через десять минут мы вошли в гулкий, прохладный и почти пустой эллинг виндсерферов, разделенный надвое каналом.

– Для начала тебе подойдет тип «Мастодонт», – сказал Игнат, колдуя у пульта координатора спортивной базы.

– «Мастодонт»? – Я слегка запаниковал, вызывая в памяти образ волосатого и клыкастого предка слона. – Что за зверь?

– Не бойся, «Мастодонт» – это серфер с фиксированным центром тяжести. На «Колибри» тебе еще рано, с него падают и мастера.

Пока мы раздевались в одной из кабин, ловкий, как паук, робот приволок и спустил на воду выводного канала две совершенно одинаковые, на мой взгляд, доски с килями, посреди которых торчали тонкие, членистые, словно сделанные из бамбука, мачты со свернутыми в тугие валики парусами.

Игнат, посматривая на меня с неопределенной усмешкой, пошевелил мачты серферов, пробуя подвижность сочленений, потрогал ногой шаткую палубу и вилкообразный гик. Что-то щелкнуло, и валик на мачте развернулся в прозрачный косой парус. С таким же щелчком раскрылся парус второго серфера.

– Или все же пойдем на пляж?

– Инструктируй, – махнул я рукой, хотя, честно признаться, лезть на неудобную палубу верткого суденышка не хотелось.

– Инструктаж прост. – Игнат отлично понял мимику моего лица. – Делай, как я.

Он шагнул на палубу своего серфера, ловко развернул парус, ровный ветер аэродинамической полости эллинга тут же подхватил странное плавучее сооружение, не лишнее, правда, изящества и красоты, и отнес на несколько метров от берега.

Я набрал в грудь воздуха, сделал свирепую мину и прыгнул на второй серфер, будто хотел взять его на абордаж...

История эта с виндсерфингом началась две недели назад, когда в отделах управления провели очередной экзамен на отработку комплекса ВВУ¹ – внезапно возникшей угрозы. Внешне это выглядело как спортивно-техническое многоборье, состоящее из целого ряда состязаний, плюс проходка полигона ВВУ. В отделах работали разные люди, с разными характерами, способностями и увлечениями, каждый из них был профессионалом в какой-нибудь из технических или научных дисциплин, а также в совершенстве владел одним из видов спорта. Но, по мысли руководителей управления, в идеале каждый сотрудник аварийно-спасательной службы должен быть универсалом, потому что, несмотря на применение автоматов, вычислительных компьютеров и киберсистем, работа требовала от спасателей всесторонней подготовки, колоссальных физических и нервно-психических нагрузок, обширных научных и технических знаний, умения мгновенно ориентироваться в любой обстановке. Универсализм в подобных ситуациях помогал находить необходимое решение в кратчайшие сроки. А что такое время, особенно если счет идет на секунды, знал даже я, стажер отдела безопасности, не допущенный пока ни к серьезным операциям, ни к архивам управления.

Отработка ВВУ выявила в среде безопасников своих универсалов, в числе которых по праву оказался и Игнат, месяц назад вернувшийся из экспедиции «Погоня». Кстати, именно по его просьбе меня и приняли в отдел, хотя обычно стажерами безопасности становились пограничники. Я же в этом году только собирался поступать в Академию пограничной службы.

Спортивную программу многоборья и психологическое тестирование я прошел нормально, однако «срезался» на технической ее части, и меня даже не допустили к прохождению полигона. Это обстоятельство настолько уязвило мое самолюбие, что я по неосторожности отозвался с пренебрежением о виндсерфинге, любимом виде спорта Игната. Теперь я пожинал плоды своих заявлений, далеко не уверенный в том, что справлюсь «одной рукой» с виндсерфером, этой «обыкновенной овальной доской с килем и парусом». Но я надеялся на свою реакцию и чувство равновесия, натренированные годами занятий борьбой тайбо. Как оказалось, напрасно надеялся...

Серфер в море я все же вывел: через двадцать минут и примерно столько же падений. В конце концов я разозлился, и парус стал мне покоряться.

Игнат не смеялся и не подшучивал, и я был благодарен ему за это, потому что с детства не люблю насмешек – такой уж у меня комплекс. Если к этому добавить мою вспыльчивость, с которой я борюсь с переменным успехом, подверженность резким сменам настроения и нелюбовь к нравоучениям... характерец, в общем, не из легких. Недаром Игнат прозвал меня варягом.

В море дела у меня пошли лучше. Волна была спокойная, пологая, ветер дул с юга, нас постепенно относил к пляжу.

Игнат перестал давать советы – мне бы его чувство такта! – и крикнул:

– Вот тебе эмоциональная разрядка перед дежурством. Предлагаю возвращаться, а то вынесет на пляж.

Мы выбрались в полосу ровного берегового ветра, в полукилометре светилась золотом полоска сааремского пляжа, над которой вырастала белесая шпага орбитального лифта. И в это время похолодало, откуда-то пришло странное беспокойство, томление, желание оглянуться, что я и сделал, мгновенно очутившись в воде. Вода, наоборот, была как кипятки, а может, мне так показалось после морозного ветра над морем. Я попытался вылезти на доску серфера, но над водой холод был собачий, поэтому я снова окунулся в запарившую воду, словно в термальный источник зимой. Игнат непрерывно глядел на берег, лавируя серфером в полусотне метров от меня. Я перевел взгляд выше и увидел, как белый столб лифта на окраине Сааремаа, в двух

¹ ВВУ – внезапно возникшая угроза.

километрах от пляжа, разгорелся мигающим светом и погас. Нарастающая волна булькающего гула накрыла пляж и залив, закричали люди.

– К берегу! – донесся сквозь утихающий гул крик Игната. Я выскочил на серфер, забыв о волне холода, но она сама напомнила о себе: пальцы рук и кожа лица стали неметь, будто я очутился на льду под свирепым ветром в тридцатиградусный мороз! Я бросил серфер и поспешил к берегу вплавь.

Гул постепенно стих, закончившись коротким стоном взрыва. Над невидимым вокзалом орбитального лифта вырос черный веер дыма.

Я понял, что на станции произошла одна из тех аварий, которые влекут за собой человеческие жертвы.

Плыть мешало все то же ощущение холода, хотя в воде оно притупилось. И все же что-то происходило вокруг, действовало на психику, заставляя мозг напрягаться в осмыслении непонятной угрозы, искать источник холода, тревоги и беспокойства, а тело принуждая действовать, куда-то мчаться, оглядываться, размахивать руками, словно непонятная сила заблокировала умение трезво оценивать обстановку и логически мыслить...

Купающиеся в заливе, все как один, с криком плыли к берегу. Такая же паника охватила и тысячи загорающих на пляже: люди метались по песку, кричали, звали друг друга, дети зарывались в песок. Ответственный за работу пляжа, очевидно, вовремя сориентировался и вызвал смену киб-спасателей; два из них – тонкие плоские диски с вакуум-подушками и гибкими хоботами манипуляторов – уже вытаскивали кого-то из воды.

В двадцати шагах от берега было уже мелко, по грудь. Игнат первым выбрался на песок, я за ним, с нарастающей тревогой прислушиваясь к своим ощущениям.

Холод усиливался, несмотря на августовское солнце и наступившее безветрие. Люди на берегу все еще суеились и перекликались, хотя большинство убежали к станции тайм-фага, и лишь один человек резко выделялся из толпы своим неадекватным моменту поведением. Одетый в белую рубашку-сетку, он стоял у волейбольной площадки, расставив ноги и сунув пальцы за пояс, и с каменным равнодушием наблюдал за происходящим на пляже, изредка поглядывая в небо. У ног его стоял плоский черный предмет, издали похожий на кейс.

Я с недоумением остановил на человеке взгляд, но в это время Игнат подогнал пинасс.

– Прыгай!

Я с места прыгнул на сиденье, аппарат тут же рванул в небо.

– Видел? – крикнул я.

– Что?

– Ну того, на пляже...

– Потом поговорим. Идем к лифту, там что-то серьезное. Ну и влипли мы с тобой, варяг!

Я понял: мы не должны были находиться на сааремском пляже, и виноват в этом был я со своим варяжским самолюбием и упрямством.

* * *

Когда мы вошли, кабинет начальника отдела безопасности представлял собой склон холма, обрывающийся в море, – так был настроен видеопласт кабинета. Я стал осматриваться, впервые попав к высокому начальству, а Игнат прошел к столу на «вершине холма».

Ян Лапарра закончил разговор по селектору, кивнул нам на стулья и молча уперся взглядом в Игната.

Был начальник отдела невысок, на вид медлителен и постоянно хмур; разговаривал тихо, спокойно и скупно. Я встречался с ним всего три раза, и с первой же встречи он показался мне чем-то недовольным, мрачным и суровым. Не знаю, был ли он таков на самом деле, но, во всяком случае, я ни разу не слышал, чтобы Ян повысил голос или устраивал кому-то разнос.

– Каким образом вы оказались на сааремском пляже? – спросил он обыденным тоном. «Вместо того, чтобы заниматься порученным делом», – мысленно добавил я.

Игнат покосился в мою сторону и ответил не моргнув глазом:

– В качестве утренней зарядки мы выбрали виндсерфинг, а потом собирались идти по заданию.

Я виновато поерзал на стуле, но Лапарра не обратил на мои гримасы внимания.

– Странная история, парни. Рапорт ваш я читал. Итак, что это, по-вашему, такое?

Он взял кассету рапорта и вставил в проектор. Вспыхнула световая нить виома, развернулась в плоский двухметровый квадрат, который плавно приобрел глубину и резкость, и мы увидели то, что осталось от сааремского орбитального лифта...

Из разрушенных взрывом складов, эстакад, платформ киберпогрузки и здания вокзала с кольцом старт-камеры лифта выросли странные лопасти из полупрозрачного материала, соединяясь на высоте десятков метров в одну стекловидную конструкцию, ажурную, с прожилками и утолщениями наподобие сросшихся стрекозиных крыльев. Но высота сооружения говорила сама за себя – триста сорок метров!

– Что это такое? – повторил Лапарра.

Игнат не ответил.

Начальник отдела убрал изображение и повертел в пальцах еще одну кассету видеозаписи.

– Что говорят эксперты?

– Молчат, – усмехнулся Игнат. – Эта чертовщина выросла за несколько секунд сразу после взрыва лифта. Масса равна нулю, электрический заряд – тоже нулю, электромагнитных полей нет, но руками пощупать можно. О чем тут говорить? Таким примерно манером строили воздушные замки сказочные джинны.

Лапарра поставил локти на стол, постучал ногтем по кассете и придвинул ее к краю.

– Это вам, ознакомьтесь. Новое задание. Вполне возможно, что оно каким-то образом связано с прежним... и с происшествием на Сааремаа. Полгода назад при невыясненных обстоятельствах в Северной Америке погибли чистильщики из «Аида». Восемь человек, группа Шерстова. Работала группа по документам архива двухвековой давности. Здесь, – Лапарра снова подтолкнул пуговку кассеты, – вы найдете только общие сведения, самое основное.

– Невыясненные обстоятельства? – пробормотал Игнат. – За полгода так и не выяснили обстоятельств гибели группы?

– Она работала по обезвреживанию складов с бактериологическим оружием, было похоже, что они выпустили на волю какой-то неизвестный вирус. Недавно эксперты... гм-гм... установили наконец, что никакой вирус не мог быть причиной их гибели.

У меня вертелся на языке вопрос: «При чем здесь взрыв лифта на Сааремаа?» – но я сдержался.

Игнат повертел в пальцах кристалл из кассеты.

– Состав моей рабочей группы?

Лапарра хмыкнул, царапнул меня острым взглядом, мигнул.

– Состав твоей группы прежний – ты и стажер.

Игнат хмыкнул в свою очередь и встал.

– Тогда все в порядке.

В коридоре он притянул меня к себе за плечо и прошептал:

– Нам оказано небывалое доверие – два задания сразу! О чем это говорит?

Я подумал и сказал:

– О том, что задания не слишком сложные.

– Плохо, стажер! Оба задания относятся, как говорится, к разряду «дохлых», но тем интереснее их разматывать. Или ты иного мнения?

Он не сказал, что будет, если мы не справимся с заданиями, а я не спросил. Конечно, какой из меня, честно говоря, помощник Игнату... Спасатели, и особенно безопасники, – люди энциклопедических знаний, а у меня за плечами детский учебный городок и школа.

– Начнем, пожалуй, – Игнат посмотрел на часы, – с изучения документации, я – по «Аиду», ты – по ТФ-теории. Возьми в библиотеке популярное изложение теории тайм-фага и постарайся уяснить, что такое ТФ-космолет и почему ему нельзя стартовать с земли. Ровно в два ноль-ноль быть в отделе. Вопросы?

Я заколебался, вопросы у меня были, но вспомнил мрачный лаконизм начальника отдела и отрицательно мотнул головой.

Первое задание, которое было выдано Игнату и мне, звучало так: выяснить, чей ТФ-космолет совершил неразрешенный старт, вызвавший «сахарную» эрозию почвы, с острова Сан-Мигел в Атлантике двенадцатого мая сего года. То есть почти два месяца назад. Игнат назвал это задание: ищи ветра в поле!

Информация к исследованию

Заповедник Ховенвип, январь 21-208

Их было девять – группа Шерстова, одна из лучших групп бригады «Аид». Их называли чистильщиками – неофициально, дружески, отдавая дань уважения людям этой профессии. Специалисты из «Аида» занимались обезвреживанием чудовищного наследия военной машины прошлого: складов, секретных лабораторий, законсервированных заводов по производству химического и биологического оружия, могильников с радиоактивными и бактериологически активными веществами и прочих следов эры капитализма.

Двадцатого января в архивах «Сенткома-2000», объединенного командования вооруженными силами капиталистических государств, эксперты «Аида» отыскивали документ, в котором говорилось, что в Северной Америке, на территории заповедника Ховенвип, расположен склад бактериологического оружия двухвековой давности. Двадцать первого января в пять часов утра по местному времени Шерстов поднял группу по тревоге. В шесть утра все девять человек прибыли на базу «Аида» в Ньюкасл. Еще через час Шерстов выходил из флейта на поляне в дубраве: сзади и с боков – лес, впереди – обрыв, за обрывом – горно-пустынный массив Ховенви́па.

К восьми территория заповедника в радиусе двух километров от точки с координатами склада была обследована сверху на антигравах. Магнитные искатели отметили несколько аномалий, другие датчики помогли сориентироваться точнее, и в восемь часов ровно помощник Шерстова Зо Ли установил белый вымпел над хитро замаскированным входом в пещеру, где предположительно находился склад.

– Отдых, – объявил Шерстов, доставая из багажника командирской машины плоскую флягу. – Кто хочет пить? У меня солар.

Пить хотели почти все. Пока Шерстов разливал дымящийся шипучий тоник по стаканчикам, Зо Ли взобрался на стену обрыва. Со стометровой высоты были хорошо видны холмы зеленоватой пыли внизу, красный уступ в нескольких километрах к северу, хаос скал слева от уступа и хвойный лес на плато справа.

Зо Ли посмотрел на браслет личного информера (рубиновые цифры часов показали семь минут девятого) и перевел взгляд на каменное поле. В этот момент из стены под обрывом совершенно беззвучно вытянулся колоссальный факел прозрачно-голубого пламени. Он накрыл песчаные холмы, флейт, людей, пьющих сок на каменных глыбах, начал расти в длину... По нервам ударило жгучей болью, Зо Ли закричал, упал на колени, расширенными глазами продолжая наблюдать за проявлением неизвестных сил.

Факел побледнел, собрался в прозрачное голубоватое облако, что-то остро засверкало в нем – снова волна боли скрутила тело Зо Ли, на уши навалилась глухота. Он почувствовал дуновение холодного ветра – в безветрии! Потом холод охватил все тело, руки и ноги онемели, стало трудно дышать...

Зо Ли пытался подняться, но тело не слушалось, наступила вялость и сонливость, словно после огромной нервной перегрузки. Затем Зо Ли показалось, что он сошел с ума! Скалы под обрывом вдруг зашевелились, обросли длинным черным мехом, превратились в чудовищную многолапую птицу-змею с обликом отвратительным и злобным. «Птица» зашевелилась и ожила...

Светящееся облако, в котором, словно зрачок исполинского глаза, вдруг проявилась черная дыра, пало на скалы, коснулось Зо Ли ледяным дыханием, и бездна распахнулась перед ним – он понял! Он понял, что это такое! Но прозрение длилось недолго: неимоверный холод сжал сердце когтистой безжалостной лапой; Зо Ли перестал видеть и слышать, осталась лишь боль, хлынувшая в мозг, как океанская вода в шлюзы тонущего корабля...

Игнат Ромаши инспектор-официал отдела безопасности

Как я и ожидал, мой кабинет с номером «21» оказался пустым: двое сотрудников отдела, с которыми я делил его рабочую площадь, еще с утра отправились на объекты, у них были свои задания. Я сел за личный стол-пульт, выбрал видеопласт для комнаты – светлый ясеневый лес – и вставил в проектор кассету видеозаписи, выданную Лапаррой.

Запись началась с происшествия на плато Ховенвип...

Спустя полчаса я выключил проектор, задумчиво походил по «лесу» и взял в баре запотевший бокал солара. Отпив глоток, сел на диван «для гостей» и вытянул ноги, продолжая размышлять над тем, что узнал.

Бригада «Аид» была создана при ВКС более тридцати лет назад. Примерно шесть лет она работала по вызовам с мест, потом за основной источник информации были взяты архивные документы, что повысило оперативность и позволило предотвратить многие беды, влекущие за собой человеческие жертвы.

Нам с Витольдом досталось расследование происшествия с одной из групп «Аида» – «Аид-117», прочесывающей Североамериканский континент. Группа обнаружила в архивах упоминание о складе бактериологического оружия в Аризоне, в пустыне Пейнтэд-Дезерт, точнее – на территории памятника природы планетарного масштаба Ховенвип, расположенного к северу от реки Сан-Хуан. Группа вылетела в Пейнтэд-Дезерт в составе девяти человек и не вернулась. Сигнала тревоги она не подавала, оснований беспокоиться за ее судьбу не было – специалисты в группе не раз выполняли аналогичные задания, да и технически бригада «Аид» оснащалась лучшим из того, что мог дать инженерный гений человечества аварийно-спасательной службе.

Лишь спустя сутки, когда связь с группой так и не восстановилась, на место ее базирования вылетел техник контроля связи. Он нашел развороченный взрывом вход в систему подземелий, нечто похожее на металлическую многоножку трехсотметровой длины с головой, застрявшей в пещере, и восемь трупов. Девятый член группы все же уцелел, но был без сознания, и его срочно отправили на лечение в клинику «Скорой помощи» в Мексикан-Хате. Останки металлического «насекомого» исчезли таинственным образом в тот же день, и эксперты, прибывшие на место, решили, что технику контроля связи «насекомое» померещилось. Обстоятельства гибели группы долгое время считались тривиальными – утечка неизвестного вируса из обнаруженного склада, но спустя несколько месяцев медиками экспертной комиссии «Аида» было доказано, что это не так, и дело передали в отдел безопасности УАСС.

Я допил тоник и налил еще бокал. Задание меня заинтересовало, был в нем некий таинственный элемент, шанс на открытие, несмотря на стандартность завязки. Если люди погибли не из-за утечки отравляющих веществ или вирусов, то появляется таинственная сила, о которой не известно ничего. И что за «многоножка» длиной в триста метров померещилась технику связи?

– Невыясненные обстоятельства... – пробормотал я вслух. Тяга к таинственному, романтика тайн влекли меня с детства, хотя я и не признавался в этом ни друзьям, ни товарищам по работе. Не я выбирал профессию спасателя-безопасника, она выбрала меня, когда я окончил Инженерно-физический институт и, казалось, с карьерой определился. Но причин жалеть у меня пока не было.

Я сел за стол и для начала записал на личный информ возникшие вопросы: кто этот уцелевший из «Аида-117»? Где он находится в данный момент? Не упоминается ли в документах архива заповедник Ховенвип в связи с другими историческими мерзостями? И наконец, не страдал ли техник связи, обнаруживший погибших, галлюцинациями? Затем я связался с

отделом информационного обеспечения и попросил диспетчера выдать мне всю информацию по делу «Аида-117». Через несколько минут копир выдал три разноцветные таблетки видеозаписи. Я внимательно изучил каждую, заинтересовываясь все больше, потом выключил видеопласт и направился в Центральный архив управления.

Пользоваться массивами информации архива мог далеко не всякий работник УАСС. Предъявив роботу свой сертификат безопасника, я прошел в длинный зал выдачи документации, три стены которого представляли собой терминалы кристаллокартотеки, а посередине располагались ряды столов-дисплеев с лючками копиров. Набрав код, я занялся поиском, прогнав все мысли, которые могли помешать работе. Поиск информации по моим запросам неожиданно затянулся, главный компьютер-архивариус долго консультировался с «коллегами» параллельных банков информации, зато меня ожидала удача. В архиве отыскался странный документ, касающийся Ховенвипа! В нем говорилось, что где-то на территории заповедника почти двести лет назад располагалась секретная лаборатория Института технологии военно-космических сил США. Лаборатория носила название «Суперхомо», но никаких данных о профиле ее работы не нашлось. Не упоминалась эта лаборатория и в других документах института. И все же я был доволен: интуиция меня не подвела. «Суперхомо», лаборатория в Ховенвипе, склад бактериологического оружия там же... и гибель чистильщиков! Случайность?

Я с ходу дал запрос о «Суперхомо» в Центральный архив Института социологии Земли и повторил его спецотделу архива «Аида», хранящему все данные о деятельности бригады за время ее существования, однако немедленного ответа не получил.

Утомленный не столько лавиной информации, пропущенной через мозг, сколько собственными фантазиями, я выключил дисплей и вспомнил об обеде. В здании управления были и рестораны, и столовые, рассчитанные на «вдумчивое вкушение пищи» и приятный отдых в компании друзей, но я любил персоналки – одноместные кабинки для еды, где можно было, не стесняясь посторонних глаз, вкусно и быстро поесть.

Опустившись на пятнадцатый – бытовой – горизонт, где в воздухе витали необычайно вкусные запахи, я с трудом отыскал свободную персоналку (любителей есть в одиночку хватало) и заказал обед: прозрачно-розовый бульон из жубо, к нему горку зажаренных ломтиков амарантового хлеба, по преданиям – хлеба ацтеков, соленый папоротник, по вкусу напоминающий жареные грибы, и напиток солар. Все это гастрономическое великолепие я уничтожил за полчаса, сожалея, что не заказал бокал шампанского.

В два часа дня вернулся в отдел, скомандовал «Вольно!» вскочившему с дивана стажеру и прыгнул в кресло метров с четырех, точно рассчитав прыжок.

– Как успехи, варяг?

Сосновский с хмурой неопределенностью пожал плечами. Лицо у него было открытое, тонкое, нервное, подвижное, чутко и точно отражающее все движения души. Сам же он был высок, массивен, с крупными ногами и руками, белокур и голубоглаз, эдакий великан-викинг из древних скандинавских саг. Правда, характер у Витольда отличался от характера настоящего викинга, и лицо служило зеркалом этого характера.

В отделе он работал недавно. После моего возвращения из экспедиции мать Витольда обратилась с просьбой к моему отцу принять сына в управление. Отец сначала отшучивался, потом спихнул все на меня, и я уговорил Лапарру взять Сосновского-младшего в резерв отдела стажером. Ян, конечно, отнесся скептически к надеждам Вита стать спасателем, а тем паче безопасником.

«Для безопасника Сосновский не годится, – сказал Ян. – Слишком открыт и эмоционален. От таких людей чрезвычайно трудно добиться той степени сдержанности, которая необходима для работы в условиях непредсказуемой опасности. Спасатель линейной службы из него, возможно, и вылупится, но...» – «Он молод, – возразил я, – сырой материал. Это – иное дело». – «Ну конечно; свежо и оригинально повторять, что время было другое, отношение к

обязанностям тоже...» – «Ладно, сдаюсь. Тебе виднее, ты его рекомендовал, но я бы не торопился с выводами. Были случаи, когда в управлении не удерживались куда более волевые и сильные натуры...»

Разговор этот я запомнил потому, что и сам сомневался в искренности желания Витольтда работать в управлении. Но отступить было некуда, и я переложил груз сомнений на плечи времени.

– Постигаю премудрости ТФ-теории, – сказал наконец Сосновский, не удержался принятого сдержанного тона и виновато посмотрел на меня. – Но очень много непонятных формул!

Я засмеялся. В последнее время Витольтд явно стал стесняться меня. Раньше, до вступления в УАСС, он не стеснялся, потому, очевидно, что тогда его действия не подпадали под власть моей оценки. Теперь же он не хотел выглядеть в моих глазах абсолютным дилетантом и старался изо всех сил.

– Формул в теории тайм-фага действительно много, но мы постараемся обойтись без них. Сначала слетаем на остров к месту происхождения.

– Я уже был там.

– Да? – удивился я. – Делаешь успехи. Когда же ты успел?

– Утром, сразу после получения задания.

– Тогда рассказывай.

Сосновский тронул пальцами нижнюю губу – эту привычку я знал за ним с детства, – заметил, что я за ним наблюдаю, убрал руку.

– Сверху это место напоминает карровый ландшафт: на свежем лавовом поле пятно километра три в поперечнике, зеленоватого цвета, а вблизи застывшая лава похожа на... полурастаявший кусок сахара – рыхлая, пористая и хрупкая.

Я вспомнил, как десять лет назад впервые попал на полигон УАСС в Австралии, под Маунт-Айзой, и мне показали поле экспериментальных пусков ТФ-крейсеров. Поле было огромно, километров двадцать в поперечнике, и напоминало гигантскую чашу изъязвленного зеленоватого студня: при ударе скалярного ТФ-поля в момент трансформации корабля разрушаются межатомные связи вещества, и любая материальная субстанция тает, как... действительно, как сахар.

– Понятно. Что еще интересного ты узнал?

– Я поговорил с одним туземцем – вполне интеллигентный парень, студент геофака, он сообщил, что никакой ТФ-космолет с острова не стартовал, зато имело место любопытное природное явление: ни с того ни с сего возбудился старый вулкан острова, лава пошла по северному склону, а потом вдруг извержение прекратилось, словно его выключили. И главное, лава остыла буквально за пять минут, будто ее охлаждали специально жидким кислородом. И пятно «студня» появилось на лаве именно в момент остывания.

– Откуда он знает такие подробности?

– Я же говорил – он студент геофакультета Исландского университета, проходит практику, изучает особенности строения вулканов, а на Сан-Мигел его направили руководители практики. А еще он клялся, что видел торчащую из лавы странную штуковину длиной в полкилометра, похожую на скелет динозавра. Правда, «скелет» на вторые сутки пропал, рассыпался или растаял, но что он был – парень готов доказать.

– Интересная информация. – Я вдруг вспомнил рассказ техника связи о металлическом «насекоме» на месте гибели «Аида-117», оно тоже растаяло на другой день. Странные галлюцинации у этих ребят, очень странные... Связи вроде нет никакой, но почему Лапарра вскользь заметил, что Сан-Мигел может быть связан с Ховенвином? Чем и как? Между ними тысячи километров... – Планы у нас несколько меняются, остров подождет. Я тоже раскопал в архивах любопытную информацию по нашему второму объекту, Ховенвику. Оказывается, в тех местах когда-то была скрыта странная лаборатория – «Суперхомо». Слышал о такой?

Сосновский помотал головой.

– И я тоже. Пока я буду разбирать материалы «Аида», покопайся в личном деле Зо Ли, того парня, который уцелел. Выясни, где он сейчас, что помнит, подробности какие-нибудь... в общем, все, что сможешь. Задание понятно?

– Так точно, – вытянулся Сосновский, начиная ощущать себя детективом. – Разрешите выполнять?

– Ну-ну, не увлекайся, – понизил я голос. – Этот человек – пострадавший, волновать его нельзя. Кстати, дай-ка мне координаты твоего туземца с Сан-Мигела.

– Арманд Элсландер, голландец, – с готовностью ответил Витольд, демонстрируя неплохую память. – Живет в Роттердаме, улица Нью-Пульвир, сорок один – четыреста сорок девять.

– Молодец!

– Рад стараться! – расплылся от удовольствия Витольд и исчез.

В этот момент виом, запрятанный в нише над столом, воспроизвел кабинет Лапарры напротив и его самого у стола.

– Ты один?

Я кивнул.

– Расскажи-ка подробнее, что случилось на сааремском пляже. Свои ощущения, впечатления... замеченные странности.

Я удивился, но виду не подал.

– Мы шли на серферах, ветер сначала дул к берегу, потом повернул, приходилось лавировать, напрягаться, и поэтому я, наверное, не сразу среагировал... вернее, реагировать-то и не на что было. Почувствовал духоту, нечто подобное испытываешь в парилке в бане, стало неуютно, как... в сыром, но безводном колодце, я ползал по таким на полигоне ВВУ.

Лапарра мигнул, не меняя выражения лица.

– Потом... резко похолодало.словно пошел невидимый ледяной дождь. И это ощущение было, пожалуй, самым сильным и оставалось до конца, то есть до взрыва лифта.

– А потом оно сразу исчезло?

– Не помню. Когда взорвался лифт, я перестал прислушиваться к своим ощущениям. Поймал пинасс – и туда...

– Ага. – Лапарра походил по кабинету, сел. – Холодно стало, значит. Прекрасно.

Я молча смотрел на него, стараясь не выдать своего полнейшего недоумения. Ян редко говорил загадками, но коль уж говорил, значит, случилось нечто из рук вон выходящее, в чем он еще не разобрался сам.

Лапарра искоса посмотрел на меня. Он прекрасно ориентировался в моих чувствах, да и не только в моих. Просто уму непостижимо, как точно он мог оценить человека с первого взгляда! Не знаю, какое у него сложилось мнение обо мне, но, видимо, все слабости мои он знал наперечет.

– Прекрасно в том смысле, – поправился начальник отдела, – что укладывается в полотно моих умозаключений. Теперь поделись впечатлениями от «стрекозиных крыльев», выросших на останках лифта.

– Впечатлениями? – пробормотал я, вспоминая. – Я поначалу глазам не поверил. Когда мы примчались с Витольдом к лифту, перевалив через цепь холмов, там уже висела модульная связка спасателей: четыре «Иглы» и базовая «Катушка»; ребята примчались так быстро потому, что их база находится практически рядом, в Орииссааре.

Склады догорали, мы было сунулись помочь, и в этот момент... да, было все еще довольно холодно, это я помню хорошо... так вот, в этот момент из всех разбитых взрывом сооружений лифтового комплекса с шипением вылезла пенистая белая масса и вытянулась вверх и в стороны, образовав полупрозрачные, с четким рисунком тонких жил внутри плос-

кости. Ни дать ни взять – «стрекозиные крылья», разве что размером в несколько тысяч раз больше.

– М-да. – Лапарра снял с меня тяжесть взгляда своих прозрачных глаз, в которых затаилась не то боль, не то усталость. – Чертовщина, да и только! Масса равна нулю... а? Ладно, продолжай действовать по плану. Кстати, там, на пляже, ты больше ничего не заметил... подозрительного?

Я честно напряг память.

– Пожалуй, ничего... Разве что один из экспертов сказал, что ударная волна взрыва должна была докатиться до пляжа, и кто знает, чего бы она там натворила. Однако этого не случилось. Эксперт был весьма удивлен, я тоже.

– Еще?

– Еще? Гм... да вот, пожалуй, не знаю, стоит ли внимания... Шум на пляже поднялся невообразимый, все куда-то бегут, кричат, на три четверти отдыхающие – женщины и дети, а этот стоит одетый и смотрит совершенно спокойно...

– Кто – этот?

– Мужчина, примерно моих лет, невысокий, смуглый, а лицо интересное: скуластое, неподвижное, как маска. Вероятнее всего – уроженец Юго-Восточной Азии.

Лапарра встал, глаза его странным образом изменили цвет – поглубели. Такое с ним я видел только однажды, когда в отдел пришло сообщение о гибели его друга. Он несколько мгновений смотрел на меня так, что я даже перепугался неизвестно отчего: смотрел тяжело, пристально, но не прицельно, не видел он собеседника в этот момент, и протянул руку к столу.

В моем виоме «откололась» часть изображения, появился человек, в котором я с некоторым трудом узнал давешнего незнакомца с сааремского пляжа.

– Он?

– Откуда ты его знаешь? Кто это?

Лапарра выключил проектор.

– Это Зо Ли. До связи.

Я очутился один в пустой комнате, оглушенный поднявшимся в голове тарарамом.

Зо Ли, чистильщик из отряда «Аид-117», единственный свидетель трагедии на Ховен-випе... Почему он объявился на пляже в Сааремаа? Впрочем, пути человеческие неисповедимы. Ведь оказались же мы с Витольдом там в тот же самый момент.

– Думай, голова, – сказал я своему умеренно надоевшему отражению в зеркале стены, – картуз куплю...

Информация к исследованию

Эль-Пасо, февраль 16-2008

Город Эль-Пасо расположен на реке Рио-Гранде, пересекающей Техасскую равнину. К началу описываемых событий он насчитывал тридцать тысяч жителей и фактически представлял собой климатический курорт, работающий круглый год.

И это случилось над Рио-Гранде утром в восемь часов, когда рабочий день города и его окрестностей только начинался.

Немногочисленные свидетели происшествия сначала не обратили внимания на легкое помутнение воздуха над одним из консольных мостов, соединяющих левый берег реки с пригородами Эль-Пасо с правым, на котором начинались пригороды мексиканского города Сио-дад-Хуарес. Однако помутнение не исчезло, а сгустилось в прозрачное голубоватое облачко неправильной формы поперечником в километр. Оно медленно спустилось с небес на мост, откуда-то потянуло морозным ветром, хотя температура и так была ниже нуля.

В следующее мгновение с гулом и грохотом мост рухнул на лед замерзшей реки. Раздался стонущий крик монора – монорельсового трамвая, успевшего затормозить у обрыва буквально в одном метре. Замершие пешеходы с ужасом увидели, как сквозь ландшафт с рекой, тисовым лесом и коттеджами пригорода проросли багрово светящиеся копыя, на высоте нескольких десятков метров пустили пучки «веток», которые соединились в ажурную решетку, выгнувшуюся куполом. Новые «побеги» рванулись вверх из узлов пересечения «ветвей», и вскоре взорам свидетелей предстала полукилометровой высоты решетчатая башня, асимметричная, неровная, но поражающая рисунком и особым впечатлением живого – не то растения, не то существа...

Воздух очистился, лишь в небе еще некоторое время держалась белая редящая полоса, похожая на след капсулы метеоконтроля.

Километровая дуга моста осталась лежать неровной грудой металла и альфа-бетона на льду реки, сквозь который кое-где уже проступила черная недобрая вода.

Патруль спасателей, прибывший на место происшествия, оторопело подивился на башню, но сориентировался быстро и вызвал бригаду строителей, а также экспертов управления.

Но экспертам и ученым, прибывшим в Эль-Пасо к вечеру, осталось только развести руками: башня продержалась ровно сутки и, начав таять сверху, в конце концов исчезла без следа. Приборы и средства измерения на нее не реагировали совсем, будто ее и не было...

Ян Лапарра **начальник отдела безопасности УАСС**

Пейзаж я выбрал осенний: опушку почти голого осинового леса, речной обрыв, низкие лохматые облака, готовые пролиться дождем: такой пейзаж не позволяет отвлекаться. Запахи мокрой листвы, травы, земли и дыма заполнили кабинет, и если бы не стол – иллюзия уголка природы была бы полной.

По черной доске стола все еще ползли световые строки бланк-сообщений.

Я бегло просмотрел последние и переключил прием и обработку информации на киб-секретаря.

Походив по «мокрой траве над обрывом», вспомнил рассказ Ромашина-младшего и вызвал координатора отдела:

– Прошу дать сводку происшествий за последние полгода.

– По Земле или районированную? – уточнил в ответ женский голос.

– Региональную, по Североамериканскому континенту. С момента гибели «сто семнадцатой» Шерстова.

– Ждите.

Я снова принялся обходить «опушку леса», мысленно возвращаясь к открытию Игната. То, что лаборатория «Суперхомо» объявилась на Ховенвипе, меня не удивило, территория заповедника, дикая и неухоженная, по всем статьям подходила для сверхсекретной лаборатории, о которой история сохранила только факт ее существования. Настораживало другое: совпадение места гибели группы чистильщиков с местом расположения лаборатории. В случайные совпадения таких событий я не верю не только по должности. «Суперхомо», то есть сверхчеловек... Над чем же работали ученые этой лаборатории со столь претенциозным названием? Или над кем? Над новым вариантом Голема? Над сверхчеловеком по Ницше, Гитлеру или все же – над гигантом по духу и мысли? Впрочем, какой «духовный гигант» может родиться у воинственных маньяков эпохи капитализма – нетрудно догадаться. Остается загадкой конечная цель работы лаборатории: человек, его тело и интеллект или сверхмашина, делающая его сверхчеловеком, диктатором, почти равным богу... А может быть, название лаборатории дано чисто условно и не отражает решаемых ею задач? И еще одно обстоятельство заинтриговало меня: более чем странные явления в местах катастроф. В Ховенвипе, по словам техника связи, он застал металлическое «насекомое» длиной в триста метров, свидетели извержения вулкана на Сан-Мигеле видели «скелет динозавра», в Орхусе во время взрыва прогулочного лайнера появился чудовищный ажурный «гриб» высотой в километр, а на месте взорванного лифтового комплекса на Сааремаа выросли колоссальные «стрекозиные крылья». «Насекомое» на Ховенвипе исчезло в тот же день, испарилось, как сухой лед, «скелет» и «гриб» тоже не продержались больше суток, а «стрекозиные крылья» стали уже вдвое меньше и, похоже, к ночи испарятся. Ясно как дважды два, что это явления одного порядка. Шехерезада! Ученые разводят руками, а эксперты техцентра плачут по ночам от беспомощности...

Напротив вдруг возник видеопризрак Анатолия Первицкого, моего заместителя.

– Не помешал? Или моя интуиция меня подвела?

Я пробежал глазами несколько лаконичных текстов сводки происшествий, выданных автоматикой стола. Черт, сколько их тут! Неужели так много за полгода? Поднял глаза на заместителя.

– Не подвела, ты мне нужен.

Первицкий, худой, высокий, рыжий, с запавшими глазами и ртом-пуговкой, снял с головы эмкан вычислителя.

– Тогда я весь внимание.

У него был один достаточно серьезный недостаток: он непроизвольно копировал мимику собеседника, на что многие, не знавшие его хорошо, часто обижались, думая, что он их передразнивает.

– Игнат на Сааремаа видел Зо Ли, случайно. Именно во время взрыва.

– Это уже становится закономерностью.

Первицкий имел в виду, что Зо Ли до Сааремаа видели в районах известных нам аварий, то есть и в Орхусе, и на Сан-Мигеле.

– Именно это и пугает. Зо Ли – единственный, кто уцелел после трагедии на Ховенвипе. Теперь сопоставь эти факты с тем, что там же функционировала двести лет назад лаборатория «Суперхомо».

Первицкий поморгал светлыми редкими ресницами.

– Не обижайся, я пока особой связи не вижу. При чем тут лаборатория? И почему ты уверен, что Зо Ли является виновником аварий? Я в это не верю.

– Если бы я тоже был уверен... Хочу проанализировать события, входящие в нашу компетенцию, за истекшие полгода, а ты пока свяжись с информслужбой «Аида» и попроси дать карту операций бригады по Аризоне. Нет ли поблизости от Ховенвипа чего-нибудь еще, требующего нашего внимания? Кроме того, найди тех, кто занимался расследованием аварий вместе со спасателями. Скорее всего ими занимались ученые из отдела изучения быстропеременных явлений природы Академии наук.

Я продолжал изучение сводки. Из всех происшествий, случившихся на Североамериканском материке за полгода, мое внимание привлекли три: в Эль-Пасо, совсем недалеко от Ховенвипа, рухнул в реку совершенно исправный мост, в Хьюстоне – утечка энергии на кварк-станции и в Тампе – дикая, абсолютно непонятная вспышка страстей на стадионе под грифом «антисоциальное поведение». Все три случая укладывались по времени в цепочку: Ховенвип – Эль-Пасо – Хьюстон – Тампа... И через месяц после события в Тампе – Сан-Мигел и Орхус, добавил я мысленно. И последнее событие – на Сааремаа. А между ними?

Пришлось снова побеспокоить координатора.

– Прошу такую сводку по Атлантике и Европе. Сроки те же: полгода, с января по сей день.

Через несколько минут стол выдал набор бланк-сообщений. Я прочитал сводку, выбрал события, укладывающиеся в мою гипотезу, и записал данные в память машины срочных оперативных работ. После этого соединился с начальником «Аида».

Гриффитс внимательно выслушал мои соображения, подумал, выпятив толстые негри-танские губы.

– Не думаешь же ты, – говорил Мартин на русском медленнее, чем на родном языке, – что Зо Ли мог явиться причиной происшествий? Тем более что в некоторых случаях его алиби безупречно.

– Не думаю, – признался я. – Но совпадения слишком разительны, а последствия в случае недооценки опасности слишком сокрушительны, чтобы не перестраховаться.

Гриффитс кивнул, снова выпятил губы.

– Согласен. Чем могу быть полезен?

– К тебе скоро обратятся мои работники. Вполне может статься, что дело не стоит и выведенного яйца.

– Допускать мы можем только обратное, к сожалению. Можешь весь аппарат «Аида» считать в своем распоряжении.

– Спасибо, такие силы не понадобятся.

Я включил аппаратуру кабинета и несколько минут размышлял, справится ли Игнат с заданием, размеров которого он еще не представляет. Как и я, впрочем. Помощник-то из Сосновского липовый: что может знать и уметь мальчишка в девятнадцать лет? Правда, по словам самого Игната, Витольд старателен и работоспособен, а такая оценка в устах инспектора

стоит многого. С другой стороны, в самом Игнате я уверен полностью, как в самом себе. Инициативен, умен, силой бог не обделил... легче перечислить его недостатки, тем более что их, по моему мнению, всего два: любовь к сладкому и лиризм. Не сентиментальность, нет, хотя Игнат добр и чувствителен больше, чем положено мужчине по норме, вернее, больше, чем мне бы хотелось, и выражается это по-разному: в любви к стихам и к музыке, в тонко подмеченной характеристике литературного произведения, в поэтичности гипотез, касающихся многих аспектов работы безопасника, и так далее. Хотел бы я, чтобы у меня был такой сын. Ромашин, сын Ромашина...

С гонгом прямой связи – я поставил такой зуммер на канал связи с директором – напротив возник Филипп Ромашин, директор УАСС, отец Игната. Легок на помине...

– Думаешь? – В его вопросе прозвучали утвердительные интонации.

Я молча ждал продолжения. Лицо у Ромашина-старшего жесткое, властное, по-мужски красивое, взгляд острый, холодноватый, умный. Он должен нравиться женщинам, подумал я вдруг с неожиданной для себя самого завистью, мы с ним одногодки, а выглядит он лет на семь моложе...

С Филиппом я знаком уже восемь лет, с момента моего перехода на должность начальника отдела. Он тогда был вторым заместителем директора. Уже в то время я отметил в нем качества, которые ценю в руководителе: волю, гибкое, раскованное мышление, самообладание, чувство долга и умение работать с людьми. С годами эти качества не пропали, что только укрепило мое уважение к Филиппу. Работать с ним нелегко, но интересно.

– Что нового по Ховенвицу?

– Намечаю контуры задания. Работать будет Игнат.

– Знаю, он мне уже сказал. Что это за организация – «Суперхомо»?

– Не знаю.

Ромашин хмыкнул.

– По-моему, одного Игната будет мало. Я еще раз просмотрел отчеты комиссии по расследованию обстоятельств гибели группы Шерстова, новое расследование необходимо форсировать.

Меня не нужно было убеждать, но я имел в руках только отчеты той же комиссии, сводку странных происшествий с участием Зо Ли, единственного свидетеля гибели чистильщиков, да кое-какие туманные предложения. Новых данных не было. Не поздно ли я подключил Игната? Впрочем, раньше не было особых причин ворошить это дело, к тому же Игнат вернулся всего месяц назад.

– В начальной стадии расследования достаточно одного-двух человек, – сказал я. – Потом, по мере развития, буду подключать людей.

Ромашин кивнул, утвердил подбородок на сплетенных пальцах рук:

– Не нравится мне эта история... Несколько странных аварий с полумистическим финалом – и везде видели Зо Ли... Читал акт медэкспертизы? Почему так долго медики не могли определить, отчего погибли чистильщики?

– Власть авторитета.

– Как? Не понял.

– К сожалению, до сих пор встречаются случаи, когда заявление одного из корифеев считается верным априори только потому, что его сделал, видите ли, непререкаемый авторитет. Так было и в этом случае. Руководитель медкомиссии усмотрел виновником смерти чистильщиков редкий вирус, за изучение которого он лет сорок назад получил академическую степень. Вирус вызывает спастическое сокращение сердечной мышцы и почти мгновенную смерть. Слов нет, очень похоже... Профессору пробовали возражать, робко и недолго, но он сумел отстоять свою точку зрения. И лишь пять месяцев спустя нашелся медэксперт, один из

оппонентов профессора, у которого остались сомнения и который решился сделать анализ и доложить о результатах.

– Ошибка с далекоидущими последствиями. Такие специалисты не должны работать в управлении. Как назовешь дело?

Я пожал плечами.

– Может быть, «Сверхчеловек», по названию лаборатории?

– Предлагаю «Демон». Кстати, почему ты связываешь в одну цепь Ховенвип, Зо Ли и «Суперхомо»?

– Почему я связываю? – хмуро удивился я. – Разве не Зо Ли связал эти события? Что касается дела – пусть будет «Демон».

Директор кивнул, бросил короткое: «Будь», – и исчез. Я снова остался один в кабинете, запрятанном в недрах оперативного центра УАСС, и вдруг подумал, что директору управления действительно известно о трагедии на Ховенвипе нечто большее, чем мне, иначе он не стал бы четко формулировать название новому расследованию. «Демон»... Кто демон, уж не этот ли Зо Ли?

Я невольно усмехнулся каламбуру и посмотрел на часы: первый час ночи восьмого июля двести восьмого года.

Проходя мимо комнаты Игната, я увидел, что зеленый кружок номера светится, очевидно, кто-то из хозяев забыл заблокировать дверной автомат. Непорядок. Я шагнул в дверь и увидел Ромашина-младшего сидящим на столе с пирожным в одной руке и стаканом молока в другой.

– Так, – сказал я. – Пир во время сна. Это же явное нарушение режима. Выйдешь из формы – уволью!

Игнат вместо ответа поставил недопитый стакан на стол, гортанно крикнул и прыгнул ко мне через всю комнату – это метров шесть – в манере школы «тигра». Я с трудом ушел от удара ногой в голову, зафиксировал ответный удар в живот, но Игнат непостижимым образом перехватил прием и ответил серией «колени – печень – шея». Ловок, шельма!

– Ну хватит, хватит, – буркнул я, потирая шею. – Что я тебе, тренажер? Будь я помоложе... Почему засиживаешься?

– Читаю кое-какие умные документы о древних военных организациях, союзах и спецслужбах типа НАТО, «Сентком-2000», Норд-Армад, Пентагон, ФБР, ЦРУ, МОССАД, Какур-эдан и других.

– Зачем?

– Чтобы выиграть сражение, надо хорошо знать не только свои возможности, но и потенциал противника. Аксиома. Военные союзы давно вымерли, как динозавры, а мы все еще сражаемся с ними. Это сколько же ошибок надо было совершить предкам, чтобы потомки сотни лет их исправляли?

– Полегче, мой друг, полегче. – Я сел, с любопытством поглядел на страницу какого-то древнего манускрипта, воспроизведенного в глубине черной панели стола; я читал эти документы лет семь назад. – Мы тоже подчас совершаем ошибки, не заботясь о последствиях. Не все предки были одинаковы, и не всем их потомкам можно судить о прошлом с позиций холодного разума. Хотя, с другой стороны, не стоит забывать и о том, что человечество в недавнем прошлом напоминало канатоходца, балансирующего на тонком нерве командира одной из стратегических ракетных установок. Слова не мои. Я не спорить зашел. Поздно уже, предлагаю пойти в ближайшее кафе, посидим, поужинаем – и по домам. Идет?

Игнат поколебался немного, я понял, что он кого-то ждет.

– Понимаешь, – сказал он, – мне сегодня позвонить должны.

– Часом не сестрица стажера?

Игнат изумленно вытаращился на меня, я засмеялся.

– Не переживай, это не утечка информации, а только интуиция. Девушка звонила в твоё отсутствие и спросила, не берём ли мы в отдел стажёрами девушек.

– Дениз спросила?!

– Ну да. Я ответил, что не слышал об этом. А что тут такого?

– Ничего особенного, просто не думал, что она настолько... осмелеет, что ли.

– Мне она показалась отнюдь не робкого десятка. А ты, оказывается, не знаешь, что такое треугольник любви.

Игнат с интересом посмотрел на меня.

– Это когда третий лишний?

– Это йога. Первый угол – любовь не торгуется, второй – не знает страха, третий – не замечает соперника.

– Арифметика любви? Что-то слишком рационально. Не хочешь ли ты сказать, что Дениз...

Я сделал протестующий жест.

– Ничего не хочу, разбирайтесь сами. Ну, так ты идёшь?

Игнат не успел ответить, мякнул сигнал вызова. Ну и звук!

Вспыхнул виа связь. Ну конечно, Дениз Сосновская.

Я похлопал Игната по виноватой спине – не переживай, мол, за меня, всё понимаю, поздоровался с Дениз и вышел. И лишь в коридоре спохватился, что забыл предупредить Игната об осторожности контактов с Зо Ли. «Демон» не «демон», а береженого бог бережет, как говаривали встарь.

Информация к расследованию

Сан-Антонио, март 8-2008

По разработкам центра изменения погоды Северной Америки, на юго-востоке Техаса в день восьмого марта должна была установиться теплая, без осадков, солнечная погода: температура до десяти градусов тепла, ветер слабый, облачность нулевая, относительная влажность воздуха – семьдесят процентов.

Утро восьмого марта в долине Сан-Антонио началось точно в соответствии с погодной программой дня, тихое, солнечное, теплое. Тем более удивительным для многочисленных жителей города, вышедших с утра в парки и скверы на зарядку, показалось событие, начавшееся без двадцати минут восемь. Привыкшие верить разработчикам погоды, жители Сан-Антонио с недоумением, а некоторые с негодованием наблюдали... снегопад!

Снег шел полосой шириной в несколько километров ниоткуда, с безоблачного неба! Он шел всего полчаса и так же быстро растаял, и случай этот, наверное, стерся бы из памяти старожилов уже на другой день, если бы не три факта. Первый – снегопад оказался полной неожиданностью и для метеоцентра, второй – несколько свидетелей явления обратили внимание на необычные ощущения, пережитые ими во время снегопада: мгновенный колющий мороз, от которого двум свидетелям стало плохо – вплоть до вызова машин «Скорой помощи», а третий – удивительное видение, не поддающееся никаким объяснениям, ибо оно противоречило здравому смыслу: после снегопада над городом возникла из воздуха сияющая снежно-белая конструкция, напоминающая гигантскую снежинку диаметром около двух километров, разве что рисунок «снежинки» не был симметричным.

Продержалась она примерно полдня – на нее любовались, не подозревая, что это такое, – и растаяла в четырнадцать часов, не оставив следа.

Снегопад и «снежинка» вошли в сводку не объяснимых наукой событий как курьез работы метеоцентра, и сообщение о них было передано в спецвыпуске новостей Интервидения. В информбанк Управления аварийно-спасательной службы оно не попало.

Игнат Ромашин

Утро выдалось росистое, хрустальное, синее. Над лугом, цепляясь за кусты ивы, стлался туман, пели птицы, и где-то в глубине лесной зоны ворочался кто-то тяжелый и угрюмый – судя по ворчанию и треску.

Я побегал по мокрой траве, окунаясь в низине в туман с головой, искал ворчуна – он оказался громадным быком. Как он сюда попал – неизвестно. Я сделал зарядку и умылся росой. Спустя полчаса я уже был в семейной столовой.

– Чья сегодня программа?

– Моя, – сказал отец. – Надеюсь, всем понравится. А ну-ка, ставь руку.

Я с готовностью уперся локтем в стол и встретил твердую руку отца. С минуту пытался сломить его сопротивление, будучи не очень уверенным в успехе: я еще помнил, как эти руки с легкостью подбрасывали меня в воздух. Мать смотрела на нашу борьбу с улыбкой, и я знал, что душа ее сейчас поделена на равные части...

Борьба закончилась ничьей, хотя мне понравился мгновенный косой взгляд отца на мать.

– Жульничаешь? – обиделся я. – А еще директор УАСС!

Отец улыбнулся.

– Ничуть, хотя резервы у меня еще есть. А ты, брат, вырос, я бы даже сказал – возмужал. Там часто приходилось использовать физику тела на пределе?

Мать, разливая дымящийся бульон, замерла.

Я взглядом показал на нее, отец виновато заморгал. «ТАМ» означало – в экспедиции. Я небрежно пожал плечами.

– Мало. За нас все делали роботы.

Я вспомнил, как в трюме головного корабля армады с оружием, которую мы догнали в семи световых годах от Солнца, сработала автоматическая защита и на группу десанта обрушился огонь «драконов»: пули гудящими белыми шмелями жалили корпус десантного когта, прожигали металл переборок и перекрытий. Двое бойцов были ранены, третий убит пулей в голову... Если бы я не успел взорвать блок управления всей электроникой трюма, уйти в живых из бункера никому бы не удалось... Завтрак прошел в молчании, потом я заспешил, пожелал всем творческих забот и оставил родителей выяснять ту меру опасности, которой я подвергался в полете; мама ничего об этом, конечно, не знала, но догадывалась, а тут эта неосторожная фраза отца...

В отдел я прибыл на полчаса раньше остальных сотрудников. Сосновский заявился следом и молча выложил на стол две пронумерованные кассеты к видео.

– Здесь все, что удалось узнать.

Я перестал диктовать на информбраслет программу предстоящих дел и вынул из копира «таблетку» кассеты.

– Отлично. Сейчас мы с тобой летим в Северную Америку, на место гибели чистильщиков, по дороге введешь в курс дела.

Тайм-фаг мгновенно перенес нас из здания главного оперативного центра УАСС в Финикс, откуда нам предстояло добираться до места еще неизвестным мне видом транспорта.

Разница во времени между Брянском, где располагалось управление, и Финиксом составляла десять часов. В Финикс мы прибыли около шести часов вечера по местному времени, и я первым делом направился в линейный отдел американского филиала УАСС.

В отделе, занимавшем шестиэтажную башню в стиле «опрокинутая пирамида», диспетчер любезно выделил нам четырехместный триер с неограниченным запасом хода – аппарат имел устройство подзарядки от высотных, невидимых человеческому глазу энерголиний. Стартовали в седьмом часу вечера.

Я набрал курс на пульте «джорджа», как называли автопилот англичане и американцы, устроился поудобней и закрыл глаза.

– Рассказывай, что там у тебя нового. До цели минут сорок ходу.

Витольд восторженно – он любовался вечерним пейзажем Американского континента.

– Зо Ли – малаец, родился в Пинагре. Тридцать шесть лет, рост метр семьдесят восемь, вес семьдесят два килограмма – это данные его личного дела. По образованию он инженер-механик больших интегральных систем, в «Аиде» работает уже шесть лет. Имеет феноменально быструю реакцию на опасность, спортсмен – золотой пояс по тайбо.

– Ого! – не выдержал я, и не зря. В Системе всего несколько человек имеют золотой пояс абсолютного чемпиона по тайбо. Чтобы овладеть таким поясом, надо чуть ли не со дня рождения заниматься борьбой и не прекращать тренировки ни на один день.

– Серьезный парень! Что у него за школа по тайбо, узнал?

– Школа «скорпиона».

М-да, есть чему позавидовать! Школа «скорпиона» родилась в Южном Китае более двух тысяч лет назад и была наиболее сложной и секретной. Ни одна из школ тайбо – самообороны без оружия – не могла соперничать с ней по количеству приемов и знанию нервных узлов человеческого тела, даже школа «тигра», навыки которой освоил я. Где же он проходил обучение? Может быть, и в живых он остался благодаря своим способностям?

– Продолжай.

– Собственно, это все, что мне удалось узнать. Данные паспорта... личное дело... характеристика... Он не женат, родителей нет...

– Как это – нет? Он что же, в пробирке родился?

– Ну, не знаю... нет, и все... я не интересовался. Разве это важно?

– Может быть. А друзья у него есть?

– Близких, кажется, ни одного.

– Кажется или точно нет?

Сосновский молчал так долго, что я невольно засмеялся, представив, как он мучается.

– Так что же ты все-таки узнал? Личное дело и характеристику можно было изучить потом.

– Еще информация о лечении Зо Ли...

– Это другой разговор, но запомни: в таком поиске, как наш, нет мелочей, и анализировать события надо со всех, даже самых неожиданных сторон. С кем ты разговаривал о Зо Ли?

– Только с заместителем начальника американского «Аида» Ларри Хэмпстером. Те, кто его знал лично, сейчас в командировках.

– И что сказал Ларри?

Сосновский вздохнул.

– Он его мало знал. Сказал только, что кадровики готовили Зо Ли начальником группы, но Гриффитс назначил Шерстова, хотя в резерве стоял именно Зо Ли...

– Интересно. Зо Ли был обижен тем, что вместо него назначили другого?

– Не знаю, но Гриффитс дважды отклонял кандидатуру Зо Ли.

– Чем же он руководствовался? Впрочем, это я у него выясню сам. Итак, где же наш подопечный?

– Он две недели находился на лечении в клинике «Скорой помощи» в Мексикан-Хате, потом в Симуширском центре нервных заболеваний, однако, пролежав там пять дней, таинственно исчез из палаты, не оставив никаких объяснений. Я побывал у его лечащего врача, привез все, что дали: диагноз, методы терапии, мнение врачей.

– Странное поведение, странное... Исчезает из лечебницы, чтобы появиться в Сааре-маа... Помнишь на сааремском пляже спокойного незнакомца? Это был Зо Ли.

На крохотной панели управления триера загорелся желтый огонек, означающий конец курсограммы, аппарат плавно притормозил.

– Мы почти у цели. Километров через сорок за рекой Сан-Хуан и начинается Ховенвип. Я сяду за управление, а ты понаблюдай за пустыней внизу.

Через несколько минут я выбрал место и посадил триер на дно неглубокого ущелья, заросшего молодыми елями, пихтами и папоротником. Под козырьком одной из стен ущелья струился ручей, вода в нем была необычайного темно-орехового цвета.

– Порядок, – сказал я, пробуя готовность мышц к мгновенному напряжению, – можно выступать. Пойдем так: впереди я, метрах в двадцати сзади – ты. Сначала просто обойдем местность вокруг пещеры, потом вернемся за снаряжением. Вопросы?

– Разве здесь надо кого-то бояться?

Я внимательно присмотрелся к лицу Витольты.

– Привыкай ходить в разведку, стажер. Бояться не надо, мы на Земле, но у меня неопределенное предчувствие... короче, пойдем так, как я сказал.

У меня и в самом деле появилось знакомое ощущение скрытого наблюдения, и хотя я внимательнейшим образом осмотрел местность вокруг триера и ничего не заметил, тем не менее в интуицию свою верил и спокойным поэтому быть не мог.

Прыгая с валуна на валун, я выбрался на длинную каменистую насыпь, прошел по ней до поворота, и вдруг под ногами тускло блеснула металлическая полоска. Присев на корточки, я разгреб щебень и присвистнул. Полоса оказалась... старым рельсом, непонятным образом сохранившимся в эпоху безрельсового транспорта в таком виде, будто им пользовались вчера.

О рельсах в докладной записке экспертной комиссии не было ни слова. Или мне невероятно повезло, и это след «Суперхомо», или я просто набрел на древнюю дорогу к какому-нибудь не менее древнему карьере или руднику, и тогда это след ложный.

Рельсы, утонувшие в щебенчатой подсыпке, тянулись почти на километр, следуя изгибам ущелья, а потом нырнули в отвесную скалу, казавшуюся настоящей. Без техники делать здесь было нечего. И все же совпадение настораживало: «легальных» технических сооружений на Ховенвипе быть не могло, а все «нелегальные» так или иначе были связаны с военными организациями прошлого. Что ж, рельсовый путь, насчитывающий, по крайней мере, полтора столетия – именно столько лет назад перестали эксплуатироваться железные дороги, – появился в этой глуши неспроста.

Махнув рукой точно соблюдавшему дистанцию Сосновскому, я вскарабкался по склону ущелья наверх и попал совсем в другой мир. Надо мной нависли величественные вековые дубы, образующие сплошной тенистый полог. Подлеска в этом лесу не было совсем, под ногой зашуршал толстый пружинящий слой опавших листьев, сквозь который с трудом пробивалась трава; листья сменились ковром из мхов. С самых громадных деревьев свисали толстые ползучие кольца ядовитого сумаха и плети дикого винограда.

Через несколько сотен метров лес внезапно кончился, и я оказался на длинном скалистом обрыве, на котором бледными копнами обосновалось несколько папоротников и росли крохотные голубоватые лесные цветы.

Под обрывом влево открылось волнистое пространство низких холмов до горизонта, поросших редкими куртинами полыни, а справа тянулся стеноподобный уступ алого с пурпурным оттенком цвета, усеянный выемками, выпуклостями, вертикальными рытвинами колоссальных размеров. Рытвины порой складывались в сложные узоры ниш и пещер. Между обрывом, на котором я стоял, и уступом располагались странные конусы зеленоватой пыли и щебня, будто ссыпанные сюда из огромных бункеров, и веяло оттуда, несмотря на вечернее время, зноем и раскаленной духотой, как из жаровни.

За уступом, высоту которого я определил метров в двести, шел хаос стенок, барьеров, башен и других замысловатых скальных образований всех оттенков красного цвета.

– Преисподняя! – сказал над плечом незаметно приблизившийся Сосновский. – Смотри, нам, кажется, сюда.

Место гибели группы было помечено металлическим шестом с флагом УАСС. Шест стоял на краю воронки, выбросившей из недр язык каменного крошева. До него было с километр, не больше.

Я нашел более или менее пригодный для спуска склон и сбежал на знойную равнину, стажер без особого труда преодолел этот путь следом.

Вход в пещеру со складом бактериологического оружия находился почти под тем самым местом, где мы вышли к обрыву из леса. Он был взорван, и груды каменных обломков большим языком лизала отверстие еще одной пещеры, почти скрытой от взора несколькими особенно большими блоками.

Мы в молчании осмотрели место высадки десанта Шерстова, поднимая облачка зеленой пыли. Я обратил внимание на то, что эта пыль лежала везде и покрывала даже обломки скал и валуны. Стена обрыва, камни и холмы были изъедены необычной коррозией, отчего стали пористыми, как пемза.

Делать здесь без аппаратуры было нечего, и я уже решил было поворачивать назад – эксперты следственной комиссии, работавшей полгода назад, наверняка все перерыли, – как вдруг снова почувствовал наблюдение. Оценить, откуда пришло ощущение взгляда, было трудно, но все же мне показалось, что наблюдали из ближайшей пещеры, той самой, полускрытой обломками весом в несколько тонн каждый.

Я зашел за один из обломков, сделал вид, что исследую его поверхность, и тихо сказал появившемуся стажеру:

– Оставайся здесь. Следи за ближайшими пещерами, да и по сторонам поглядывай, но особенно не высовывайся, уяснил?

Витольд смотрел на меня округлившимися глазами, в которых теснилось многоточие, но я не дал ему возможности выплеснуть это многоточие на язык.

– Главное, следи за мной. Мне почему-то кажется, что мы тут не одни.

Оставив стажера за камнем, я с беспечным видом направился ко входу в пещеру, посвистывая, перепрыгивая через трещины и груды более мелких камней, а сам зорко следил за тем, чтобы между мной и черным, непросматриваемым оком пещеры непременно находилось какое-нибудь препятствие.

Подъем к пещере был некрут, но мешали языки мелких и острых обломков, ступать по которым приходилось осторожно и с опаской. И чем ближе я подходил к мрачному зеву, тем меньше мне хотелось туда идти. Я остановился, всей кожей ощущая на себе чей-то внимательный взгляд, посвистел, делая вид, что заинтересовался камешком, и высунулся из-за ребристой глыбы, последней из самых крупных, упавших совсем недавно с вершины уступа.

Меня спасло мгновенное чувство опасности, возникающее остро и отчетливо. Увидеть в глубине пещеры я ничего не успел, но тут же, повинувшись инстинкту, рывком бросил тело обратно за скалу.

Вслед из-под свода пещеры гулко прогрохотала короткая автоматная очередь. Пули, сшибая ребра с глыбы и выбивая в ней борозды, легли впритирку к голове.

«Дьявол! – подумал я, ожидая новой очереди. – Да это же «дракон»! Автоматический ракетный карабин! Откуда он здесь?! И кто это нас так встречает?!»

Тишина наступила чудовищная, и я невольно взмолился, чтобы не психанул стажер, не выскочил из-за укрытия. Тогда мне придется переть на рожон, не имея ни одного шанса на успех, – без оружия против «дракона» не спасет ни реакция, ни физические данные, ни даже выучка безопасника.

Тишина не нарушалась ни одним звуком, и я решил попытаться обойти осыпь слева. Однако, едва я только метнулся за соседний камень, из пещеры снова ударила короткая – в

пять выстрелов – очередь. Пули веером прошли над спиной, я, холодея, почувствовал их прицельную, злую мощь.

Дьявол тебя задери! Стреляет, как снайпер! Эдак он, чего доброго, не даст нам никаких шансов довести расследование до конца. Надо уходить, пока не сорвался стажер. Тогда конец!

Я осторожно отполз назад, прижимаясь к острой каменной крошке, впивающейся в тело.

Карабин ударил на звук: пули, гудя и звеня, низким рикошетом ушли в небо.

Не похоже, чтобы он шутил – стрелок высокого класса. Только непонятно, почему он не сменит позицию и не расстреляет нас в упор. Боится, что мы вооружены? Или это не входит в его планы?

– Игнат! – раздался невдалеке приглушенный возглас Витольда.

– Жив! Сиди и не двигайся! – быстро крикнул я. – Держи пещеру на прицеле, не давай ему высовываться!

Оружия у нас не было, но я надеялся на психологический сбой неведомого противника, дающий нам шанс уйти, и не ошибся. Из пещеры никто не появился, лишь спустя минуту карабин щелкнул дважды одиночными выстрелами и замолчал совсем.

Мне удалось пробраться к Сосновскому, бледному и возбужденному, и я жестом показал, что надо делать, когда по тебе стреляют, а ты без оружия.

Витольд, старательно вжимаясь в горячий бок скалы, пополз прочь от негостеприимной пещеры. Я пополз следом, ожидая новой очереди. Но все было тихо, словно и не было здесь никого, кроме нас двоих, словно не гремели только что выстрелы, выстрелы по человеку в начале двадцать третьего века! Выстрелы, не звучавшие на Земле более века!

– Хорош сюрприз! – пробормотал я, с сожалением разглядывая свой безнадежно исполосованный о камни костюм, когда мы взобрались на знакомый скалистый обрыв. – Но ты молодец, варяг, выдержка у тебя есть.

Сосновский, все еще возбужденный и довольный похвалой, молча протянул мне тяжелый, черный, косо срезанный цилиндр величиной с палец.

Я подкинул цилиндр в руку: это была неразорвавшаяся ракетная пуля «дракона», так называемая «инфрапуля», способная прожигать сорокамиллиметровую броню.

– Вошла прямо под камень сзади меня, – гордо сказал Витольд.

«Значит, последние выстрелы были по нему!» – сообразил я и вдруг отчетливо осознал, как близко от гибели мы побывали. Холодный ручеек страха протек у меня по пищеводу. Мать Витольда никогда не простила бы мне этого, и Дениз, и отец... не отец юноши, а мой собственный отец, Филипп Ромашин, доверивший жизнь Витольда мне. Хотя сам я и не был ни в чем виноват...

– Надо было взять кое-что из снаряжения сразу, – сказал я, посмотрев на часы. – Бинокли, рации, пробойники... Учись, стажер, не делать ошибок. Пошли отсюда, ждать нечего. Нас не очень вежливо выдворили с занятой территории, и теперь необходимо подкрепление. Но едва ли мы обнаружим стрелка.

По-моему, стрелять мог только больной человек. Единственное, что оставалось по-настоящему загадочным, где стрелок достал карабин, снятый с вооружения полтора века назад. Вместе с остальным вооружением. И еще было непонятно, почему стрелок не сменил вид боя. Начни он с ракет более крупного калибра – остались бы от нас рожки да ножки!

– Значит, у него не было ракет, – резонно заметил Сосновский.

Я кивнул. Мыслил стажер логично. Достать боеприпасы к «дракону» сложнее, чем раздобыть сам карабин.

Настороженность, привычная в косморазведке, вернулась ко мне, и хотя ни глаз, ни интуиция ничего подозрительного не отмечали, я не позволил себе расслабиться.

Стрелок задал нам такую задачу своей стрельбой, что факт этот весил больше всех известных мне загадок по обстоятельствам гибели группы «Аида»...

За деревьями показался нос триера. Мы спустились в ущелье.

– Вызвать патруль? – спросил Витольд, залезая в кабину.

– Нет смысла. Придется повторить поход в полном боевом, хотя, думаю, оружие не понадобится.

Спецключом я вскрыл бронированный кубик сейфа под задним сиденьем триера и достал оттуда пистолет.

Через пять минут мы повторили поход, но пещера была пуста. Она уходила в глубь скального массива на многие десятки метров, вычищенная ассенизаторами до блеска, местами узкая, петлистая, переходящая в просторные залы.

Мы облазили только часть ее до первого зала, обнаружив три боковых ответвления, два из которых были погребены под обвалами. Дальнейшие поиски были бесполезны, здесь требовалась целая армия поискеров с соответствующей аппаратурой типа хомодетекторов, и мы решили не тратить времени зря.

Я постоял в том месте, где прятался стрелок, поддал ногой разорванный фруст-пакет – упаковку патронов к «дракону» – и опустил пистолет.

Позиция была выбрана удачно, склон осыпи, ведущей к пещере, просматривался отлично, и тот камень, за которым прятался я, не мог служить мне хорошим укрытием. Стрелок должен был снять меня первыми же выстрелами, стрелять он умел. Но... не сделал этого. Значит, просто отпугнул, и все. Потом спокойно сделал свое дело, ради которого явился, и ушел, даже не потрудившись уничтожить фруст-пакет...

– Мы ему чем-то помешали, – пробормотал я, измеряя на глаз расстояние до первых круглых каменных глыб. – Явись мы на полчаса позже – никого бы не встретили.

– Надо здесь все обыскать, – сказал Витольд, – причем с помощью больших исследовательских комплексов типа БИИМ, которыми оснащаются экспедиции Даль-разведки на другие планеты... Дай разок пальнуть, Игнат! – вдруг взмолился он.

Я поколебался, взвесил в руке «универсал», поставил планку на разряд-факел и протянул Витольду. Сосновский осторожно принял пистолет с благоговением юнца, никогда не державшего в руках оружия, прицелился и нажал на спуск. Ахнуло длинное кружево разряда, ближайšie камни разлетелись в пыль, дальние сдуло прямо к задымившимся конусам пыли. Когда пыль осела, на ставшей ровной, как стол, осыпи показались две блестящие нитки рельсов...

Информация к расследованию

Хьюстон, март 28—208

Хьюстонская энергостанция мощностью в две тысячи альбертов обслуживала сам Хьюстон с его полутора миллионным населением, несколько заводов зонального масштаба по производству искусственного белка, пластмасс и органосинтеза, аграрно-промышленные комплексы, а также тайм-фаги, транспорт района и множество мелких потребителей в виде институтов, музеев, торговых центров и предприятий бытовых услуг. Располагалась она за городом, в двенадцати километрах от порта, в сосновом бору.

Утро двадцать восьмого марта не предвещало никаких неожиданностей, обычное рабочее утро середины недели. Было пасмурно, изредка накрапывал мелкий холодный дождь – не слишком веселая погода для конца марта.

В залах управления и машинных залах дежурные инженеры и диспетчеры готовились к смене, предвкушая отдых и личную жизнь. Станция на сорок процентов работала в режиме передачи мощности, то есть в хьюстонский район шло шестьдесят процентов вырабатываемой энергии, а остальные сорок передавались в другие районы материка, где уже кипела дневная жизнь.

Начальник смены Кен Кроуфорд привычно обжег глазами панели сигнализаторов состояния, отметил, что все параметры реакторной цепи в норме, перекинулся парой фраз с инженерами связи и защиты, терпеливо коротавшими дежурство в соседних креслах, и в это мгновение над окном оперативного виома загорелись три красных глаза и прозвенел приглушенный звонок.

Секунда, последовавшая за этим, ушла у всех троих на мгновенную проверку подконтрольных систем: натренированный мозг дежурных не требовал времени на переключение из состояния покоя в состояние готовности к действию. К выводу они пришли одновременно и действовали соответственно своим обязанностям; автоматика в подобных случаях не вмешивалась, счет шел на миллионные доли секунды.

– Второй резервный – пуск! – скомандовал начальник смены. – Утечка на базовых три и четыре. Третьему резервному – готовность!

– Центральная, Хьюстон в эфире, – сказал инженер связи. – Сигнал по зоне: будьте готовы к перебросу энергии по всем векторам отдачи, у нас утечка, причины пока неизвестны.

– Аварийной на выход! – сказал инженер защиты. – Третий и четвертый упали по мощности на ноль семь. Автоматика защиты в норме, компьютер рекомендаций не дает.

В течение последующих трех минут дежурные занимались анализом происшествия, после чего начальник смены вызвал центр управления энергосистемой южной зоны Северной Америки.

– Де-Риддер, на линии Хьюстон. Похоже, у нас нештатная ситуация. Третий и четвертый реакторы дают прогрессирующую утечку. Энерговыход в район прекратил. Отключаю оба.

– Отключайте, – отозвался Грегори Пенроуз, старший диспетчер центра. – Мы готовы. Аварийную пустили?

– На выходе, молчит. Что-то странное...

– Немедленно дай сигнал тревоги в УАСС!

Кроуфорд после двухсекундной заминки:

– Дал, будут минут через пять. Грег, третий и четвертый на нуле, но резервные тоже начинают снижать выход! Если через минуту ситуация не изменится, буду выключать станцию!

– И никаких догадок, в чем дело?

– Аварийная все еще молчит, координатор твердит о зоне поглощения энергии... дьявол! Что со связью?..

Это было последнее, что услышал старший диспетчер центра в Де-Риддере. Виом связи с Хьюстоном померк...

Спустя четверть часа от бригады спасателей, прибывшей в Хьюстон, поступило короткое сообщение:

– Станция выключена. По неизвестной причине произошел спонтанный разряд запасов активного вещества. Зал управления разрушен, есть жертвы среди персонала станции. Из здания реакторного кольца вырос «мыльный пузырь» диаметром около трехсот метров. Он колыхается под ветром, внутри нечто вроде зернистой икры, каждая икринка размером с арбуз. Приступаем к изучению и ликвидации аварии...

Витольд Сосновский

Уже второй раз меня вызывали в кабинет начальника отдела вместе с Игнатом, разумеется, но привыкнуть к манере разговора Лапарры за такое короткое время я, естественно, не успел.

– Крайне любопытно! – сказал он, рассматривая нас по очереди своими прозрачными, почти не мигающими глазами. – Каким образом «дракон» мог оказаться у стрелявшего? В наше время проще достать лучевой пистолет, чем ракетный карабин.

Игнат пожал плечами. Было видно, что его занимает какая-то мысль, однако я не настолько опытный физиономист, чтобы разбираться в выражении его лица. Да и разбираться, по сути, было не в чем: лицо Игната постоянно спокойно, внимательно и серьезно, и лишь иногда в глазах мелькают иронические или насмешливые огоньки, говорящие о наличии у него чувства юмора и сбивающие, кстати, меня с толку.

– Ну хорошо. – Лапарра включил окна кабинета. – Еще одна загадка к сонму прежних, причем тревожная. Давно мы не работали по социально опасным.

– Утечка исключается? – быстро спросил Игнат.

Лапарра исподлобья взглянул на него.

– Маловероятна. «Драконы» на Земле имеются только в трех местах: в сейфах нашего отдела, у погранслужбы Даль-разведки и в Военно-историческом музее. Из наших хранилищ утечка исключена, что касается пограничников и музея... выясните. Теперь о ваших дальнейших планах. Насколько я понял, вы не нашли ничего нового по делу группы Шерстова...

– У нас было мало времени на тщательное расследование, – сухо сказал Игнат. – В ближайшее время планируем провести на Ховенвипе поиск с помощью больших комплексов. Кроме того, выявлены любопытные детали по конфигуранту Зо Ли.

Лапарра поднял брови.

– Поиск на БИИМах? На каком основании?

– Во-первых, потому, что Ховенвип – это около шести тысяч квадратных километров горного хаоса и обнаружить точное место базирования «Суперхомо» иным способом невозможно. Во-вторых, мы со стажером обнаружили старую железную дорогу недалеко от места гибели чистильщиков, о которой в отчете экспертов не сказано ни слова, и это по меньшей мере странно, дорогу обнаружить они были обязаны.

Игнат сидел так же неподвижно, как и Лапарра, и я подумал, что они здорово похожи, не внешне – внутренне.

– Зо Ли сбежал из Симуширского медцентра еще в середине февраля, и с тех пор его никто не видел... кроме свидетелей необычных аварий и катастроф вроде взрыва сааремааского орбитального лифта. Не появлялся он ни на работе, ни дома. Эксперты, работавшие по этому делу в январе, с Зо Ли не встречались, потому что подозревалось «бактериологическое» заражение группы Шерстова. Зо Ли как свидетель оказался не нужен. Странно, что медики после его побега не передали дело нам. И сами, по-моему, не искали. Во всяком случае, информации об этом в их статистическом отделе нет.

– Не ходите по старым следам, – нахмурился Лапарра. – Информация о Зо Ли была закрыта, поэтому медики молчат. О побеге малайца они сообщили своевременно.

Я растерянно посмотрел на Игната, тот, прищурясь, рассматривал Лапарру, словно не узнавая. Я его понимал: мы проделали работу, которую уже кто-то проделал до нас. Почему же начальник отдела не поставил нас в известность?

– Не удивляйтесь, – хмуро усмехнулся Лапарра, понимая значение наших взглядов и молчания. – Вы не спрашивали, хотя были обязаны. Учитесь мыслить самостоятельно. Вернемся к Зо Ли. Известно ли вам, как он вел себя в клинике?

– В общих чертах. Он пролежал всего пять дней и сбежал; давай, стажер, покороче, самое главное.

Я кашлянул, вспоминая памятный мне визит в Симуширский центр нервных заболеваний...

– Понятно, – сказал главврач, рассматривая мой сертификат – серебряный дискос с изображением Земли в ладонях и выбитым на обратной стороне именем. – Зо Ли, кажется, ваш сотрудник?

– В данный момент он свидетель, – веско проговорил я, – по очень важному делу.

Главврач удивился: получилось это у него отлично.

– Разве вам не сообщили?

К его удивлению прибавилась тревога.

– О чем?

– О том, что пациент Зо Ли сбежал из медцентра полгода назад? Он пробыл у нас на излечении всего пять дней.

Такого оборота событий я не ожидал и даже грешным делом нехорошо подумал об Игнате: он-то должен был меня предупредить. Я попытался сохранить достоинство, но по улыбке в глазах главного врача понял, что мне это удастся плохо.

– Ах да, – пришел он на помощь. – Зо Ли был, кажется, из другого отдела, у него был такой же диск, но с другой эмблемой: в черном круге маленький золотой чертик.

Зо Ли действительно работал в другом ведомстве, золотой чертик в черном круге – эмблема «Аида», но я же не мог признаться главному врачу, что сам пока не состою ни в каком отделе, и мой сертификат – документ стажера, а не безопасника-официала, как бы ни хотелось.

– Зо Ли – работник «Аида», – сказал я, чтобы хоть что-нибудь сказать. – Где же он сейчас?

Главный врач медцентра развел руками.

– Извините, вопрос не по адресу. Мы в тот же день сообщили в ваше управление об исчезновении пациента. Если хотите, поговорите с лечащим врачом Зо Ли, это все, чем я могу быть полезен.

Я вздохнул.

– Да, пожалуй. Как мне его найти?

Главврач ткнул пальцем в замерцавшее индикаторное окошко на панели селектора.

– Шоллак на приеме, – отозвался слегка картавый мужской голос.

– Вацек, прими гостя. Комната двести шесть, – повернулся ко мне главврач. – Удачи вам.

Врач, лечивший Зо Ли, казался с виду моим ровесником. Глаза у него были дерзкие и веселые.

– Зо Ли поступил к нам из клиники «Скорой помощи», – сказал он, усаживая меня в кресло перед прозрачным окном-стеной, сквозь которое открывался вид на бухту Броутона. – Ему нужен был депрограммист, то есть психиатр, лечащий от навязчивых, внушенных идей. За пять дней, что он у нас находился, причин его болезни установить не удалось, хотя у пациента был целый комплекс маний.

– Чего? – переспросил я, озадаченный новым обстоятельством.

– Мания – это состояние болезненно-повышенного возбуждения при некоторых видах психоза или травмах мозга. Во-первых, он бредил каким-то сверхчеловеком по имени Джинн, которого нельзя выпускать на волю. Во-вторых, ему казалось, что за ним следят, – так называемая мания преследования. В-третьих, всем доказывал, что он ни в чем не виноват, – это комплекс несуществующей вины. Ну и тому подобное.

– Как же ему удалось уйти в таком состоянии?

Шоллак смутился.

– Понимаете, невероятно, но факт – он каким-то образом изменил параметры регистраторов, следящих за здоровьем, и автоматы открыли дверь палаты. До сих пор не знаю, как это ему удалось!

Я попросил у Шоллака информацию о Зо Ли, которая имелаась в медцентре, получил кристаллы и регистрокарту после пятиминутных дебатов Шоллака с главврачом и покинул медцентр...

– Ум-гум... – неопределенно промычал Лапарра, выслушав меня, и посмотрел на Игната. – Зо Ли бредил сверхчеловеком... это не наш ли «Суперхомо»?

Игнат промолчал. Он всегда молчит, если ему нечего сказать. А вот у меня, увы, такого качества нет.

– Это все?

– Все.

Я виновато опустил голову.

– Мало! Неоперативно работаете. Есть древняя – ей около двух десятков веков – пословица: «Делай все не спеша, словно тебе еще жить тысячу лет, но так основательно, будто завтра умрешь». Итак, ваши отправные точки: Зо Ли, «дракон», лаборатория «Суперхомо». Вопросы?

– Нет, – сказал Игнат, который, как и я, не видел особых причин недовольства начальника отдела.

В своем кабинете мы сели на диван и стали не торопясь потягивать тоник, думая каждый о своем.

– Ничего я что-то не соображаю, – признался наконец Игнат. – Стадия накопления тумана продолжается.

Он встал и вернул бару пустые бокалы.

– Сегодня снова будешь заниматься Зо Ли. Попробуй узнать, где он в настоящее время, что с ним, почему удрал из лечебницы, не закончив курса лечения.

– Но, может быть, это уже известно? – рискнул я возразить. – Шеф только что врезал мне...

– Во-первых, не тебе, а мне, во-вторых, выяснение местонахождения Зо Ли – наша прямая обязанность. Кроме всего прочего, разузнай о Зо Ли все, что можно, у сотрудников по отряду. Для розыска нужен его физический и психологический идентификат, а мне почему-то кажется, что придется объявлять по малайцу всеземной розыск. Задание понятно?

– Неужели информация уцелевшего свидетеля катастрофы так ценна? Его же нашли без сознания, что он может знать? Да если бы он хоть что-нибудь знал, давно рассказал бы. И вообще странно, что этим делом занялись лишь полгода спустя.

– Вот именно! – поднял палец Игнат. – Вот именно, варяг, неспроста начальство заинтересовалось этим делом повторно. Надо нам поторопиться. Я постараюсь договориться с Дальразведкой о предоставлении нам исследовательского киберкомплекса БИИМ, завтра же прочешем всю территорию Ховенвипа. Не дает мне покоя найденная нами железная дорога.

Я нехотя встал, показалось, что Игнат поручил мне самую неотвественную часть задания, но высказывать свои сомнения вслух не решился.

– Тебе привет от Дениз, – сказал я через плечо уже на пороге. – Зашел бы как-нибудь, она там ждет твоих звонков каждый день...

Я оглянулся и впервые увидел на лице Игната нечто вроде растерянности. Но я говорил правду: Дениз каждый день спрашивала меня об Игнате.

По дороге в архив я прикинул, сколько времени понадобится мне на выполнение задания, и вспомнил эту прикидку к вечеру, когда дальнейшие события показали, что свободного времени у стажера отдела безопасности УАСС в общем-то меньше, чем ему хотелось бы иметь.

Информация к расследованию

Тампа, апрель 12-208

Двенадцатого апреля, в День космонавтики, тампинский стадион «Грин фиал» был заполнен с утра: спортивный праздник, посвященный началу проникновения человека в космос, собрал триста тысяч жителей города и многочисленных гостей центра туризма Флориды.

К шестнадцати часам над городом установилась прекрасная «летняя» погода. Синоптики превзошли самих себя: солнце сияло вовсю, ветер стих, воздух прогрелся до двадцати градусов. Стадион пел и смеялся, ждал основного события – футбольного матча между сборной города «Тампа» и испанской «Барселоной».

Матч начался в шестнадцать десять под нарастающий гул голосов и музыкальные аккорды: болельщики всех времен и народов мало чем отличаются друг от друга.

На двадцатой минуте защитники «Барселоны» остановили нападающего «Тампы» недоволенным приемом в пределах вратарской площадки. Стадион взорвался бешеным свистом и криками, судья остановил игру, но вместо того, чтобы наказать виновных, дал свисток в пользу «Барселоны», усмотрев нарушение со стороны защитников команды хозяев поля. Часы над стадионом показывали половину пятого.

Стадион, недовольный решением судьи, ревел. И в этот момент все триста пятьдесят тысяч болельщиков ощутили волну холода, странное будоражащее волнение, нетерпение, гнев и десятки других негативных эмоций. Стадион превратился в ад!

Тысячи зрителей ринулись на поле, давя друг друга, набросились на судей и игроков. Тысячи других кинулись защищать этих последних, свалка росла, грозя перерасти в невиданное по масштабам побоище. Работники стадиона, отвечающие за общественный порядок, попытались вмешаться в события, но были сметены в первую же минуту. Над стадионом повис многоголосый рев разъяренной толпы – явление, чрезвычайно редкое для начала третьего справедливого века.

И почти никто из болельщиков, присутствующих на трибунах, не заметил странных световых эффектов над чашей стадиона, на высоте шестисот метров...

Когда к стадиону примчались машины «Скорой помощи» и городского линейного отдела УАСС, волна холода, а с ней и волна отрицательных эмоций пошла на убыль. Опомнившиеся болельщики с недоумением начали оглядываться, приводить себя в порядок, искать виновника переполоха. К счастью, судья остался жив...

А над стадионом таяла полупрозрачная фигура – нечто вроде гигантской когтистой лапы – не то облако, не то след капсулы метеоконтроля...

Игнат Ромашин

В три часа дня я вспомнил о своем предположении, нуждающемся в проверке, и, внутренне его отвергая, все же решил перестраховаться.

– Я, кажется, забыл выключить дома утюг, – обратился я к соседям по комнате, с утра занятым расчетами и моделированием какой-то аварийной ситуации. – Если шеф начнет искать, буду через полчаса как штык.

– Нам и так надоело отвечать, что тебя нет, – поднял голову от панели драйвера один из инспекторов, Дайнис Пурниекс, флегматичный, белобрысый, в распахнутой на груди рубашке. – Кстати, час назад он тебя искал весьма настойчиво.

– Зачем? – поинтересовался я.

– Очевидно, затем, чтобы еще раз дать втык за оперативность, – сказал суровый Аристарх Видов, снимая с головы эмкан.

– Ну у вас и осведомленность! – Я с любопытством посмотрел на Видова. – Прямая связь с бункером начальника отдела?

– Стараемся, – отозвался Аристарх.

– Если серьезно, то тебе в помощь придается военный историк из СЭКОНа². – Дайнис аккуратно закатал рукава рубашки. – Очень красивая женщина, зовут Люция.

Я озадаченно пожал плечами: новость была из разряда неожиданных и не совсем приятных.

В это время мягко прозуммерил координатор связи комнаты, и динамик интеркома проговорил голосом Лапарры:

– Игнат, спустись в холл к седьмому информу.

– О! – выпрямился Дайнис. – Сейчас и получишь.

– Да ну вас! – Мне было не до шуток.

В громадном холле, отделанном под инму – китайское «дерево с туманными картинами» и крипп – искристый лунный базальт, я подошел к стойке седьмого информера, еще издали увидев Лапарру. Рядом с ним стояла поразительной красоты женщина в летнем костюме, который во все времена назывался сафари. Смуглая, с фигурой и грацией богини, с волосами, схваченными у затылка рубиновым обручем и свободно падающими за спину. Глаза дерзкие и предостерегающие одновременно, черные, как пространство, губы крупные, четкого рисунка и без малейших признаков косметики. Вкус недурен. И, по всему видно, шутить не любит.

– Знакомьтесь, – буркнул Лапарра. – Ромашин-младший.

– Игнат, – слегка поклонился я.

– Люция, – подала руку незнакомка. Я не решился поцеловать ей пальцы, почувствовав, что выйдет не слишком по-светски.

– Люция Чикобава – военный историк, – продолжил Ян. – Будет работать в твоей группе по делу «Демон». Я введу ее в курс дела, ты сообщишь подробности.

Приказ есть приказ, оспаривать его бессмысленно, да я и не стал бы. С женщинами в одной связке я не работал, да еще с такими.

– С инструкцией отдела вы хорошо знакомы? – спросил я, невольно глядя на ее губы, и получил в ответ короткий изучающий взгляд.

– Достаточно. – Голос у нее был гортанный, бархатистого тембра, глубокое контральто. – Я вижу, вы не рады. Но это решение директора вашего управления. Если не возражаете, встретимся вечером. В восемь вас устроит?

– Вполне.

² СЭКОН – Служба экосоциального контроля за опасными исследованиями при Правительстве Земной Федерации.

– Тогда до встречи. А у вас, Ян, я буду в шесть.

Люция повернулась и пошла по залу к одному из выходов, а мы молча смотрели ей вслед.

– Она пять лет работала в погранслужбе, – сказал Лапарра через минуту. – Имеет степень историка-универсалиста, хорошая спортсменка.

– Похожа на индонезийку. Больше вы с отцом ничего не могли придумать? Я же завалю задание.

Лапарра фыркнул.

– Шутишь, значит, все в норме. Ну, будь, встретимся в девять.

Он подошел к лифту, а я, размышляя о высших законах, соединяющих людские судьбы, поднялся на седьмой горизонт управления, в зал тайм-фага.

Станция тайм-фага занимала весь седьмой горизонт южного крыла здания. Так как работникам управления приходится переноситься во все точки земного шара и за его пределы на планеты Солнечной системы и других звезд, то и станция пассажирского ТФ-сообщения была самой крупной для официальных организаций: зал тайм-фага занимал площадь в тридцать тысяч квадратных метров, и располагалось в нем полторы тысячи кабин.

Я нашел свободную кабину, набрал код Москвы и через секунду вышел из тайм-фага Басова, на площади Славы. От площади до моего двадцатипятиэтажного дома идти всего полчаса, но я все же взял такси – в сердце закопошилась тоскливая, как ненастье, тревога.

Дома оказался отец – разговаривал в гостиной по виому, переодетый в домашний халат. Рано он сегодня.

Я прошел в свою комнату, открыл стенной шкаф и хмыкнул. Потом переложил из угла в угол виброласты, флайтинг для глубоководной охоты, пакет надувной лодки с баллончиком газа, пакет со значками и орденами, который я так и не удосужился отдать однокашнику, тихо присвистнул и уставился в пустую нишу: «дракона» в шкафу не было.

– Пришел? – весьма оригинально отреагировал отец, появляясь на пороге. – Что ищешь? Я оглянулся.

– Па, ты из моего шкафа ничего не брал?

– Нет, конечно, это же твой шкаф.

– Понимаешь... – Я почесал переносицу. – Домой из полета я привез кое-какие трофеи, думал удивить друзей... ну, и до сих пор не сдал облачение. Короче, пропал мой карабин.

Отец с интересом посмотрел на меня и заглянул в нишу.

– Пропал «дракон»? Ты хоть представляешь, что говоришь? Везде искал? Может быть, оставил в тире?

– Я не ходил с ним в тир, не успел. Он был здесь.

– А если мать переложила?

– Зачем? – Я снова принялся перекладывать вещи, уже зная, что карабина в шкафу не найду. Предчувствие не обмануло меня. Еще на Ховенвипе у меня мелькнула мысль, что по мне вели огонь из моего собственного карабина, но тогда я лишь посмеялся над собой. Вот, значит, где стрелок его достал!

Отец, прищурясь, ждал объяснений, и я вкратце пересказал ему события на Ховенвипе, опустив кое-какие подробности нашего с Витольдом отступления. Он слушал молча, с неприкрытым лицом, но я-то знал его хорошо, почти как себя.

– А патроны? – спросил он, когда я закончил. – У тебя же их не осталось.

– Патроны он мог достать в другом месте... тем более что не перевелись на свете безголовые разини вроде меня. Никогда не думал, что такое может случиться.

Не произнеся ни слова, отец вышел из комнаты.

– Ты явно не представляешь, что произошло, – донесся из кухни его голос. – Звони немедленно Лапарре, иначе рискуешь вылететь из отдела.

От неожиданности я выронил рубашку и, переодеваясь на ходу, зашел на кухню, изумленно уставился на отца, набравшего программу ужина на домашнем комбайне «Комфорт-8».

– Ты серьезно?

Отец, не оборачиваясь, повел лопатками.

– Вполне может быть, что ты вооружил какого-то маньяка из тех, которых все-таки иногда рождает человечество. В таком случае ты подверг риску ни в чем не повинных людей.

Я медленно вернулся в комнату, размышляя над словами отца, вдруг подумал: а ведь для того, чтобы взять карабин у меня, сотрудника отдела безопасности, надо быть очень информированным человеком! Сверхинформированным! Надо знать, что я был в экспедиции под кодовым названием «Погоня», что вернулся и привез карабин и что не сдал его вовремя в сектор учета... Кто мог знать такие подробности? Только Умник – главный оперативный компьютер отдела...

Я выдвинул из стены пульт домашнего координатора и набрал телекс отдела. К счастью, Ян был на месте. Я рассказал ему то же, что и отцу.

– У меня даже мысли подобной не возникало! – угрюмо проговорил Лапарра. – На кой ляд тебе карабин? Ты же не коллекционер. Да и куда смотрел сектор учета, хотел бы я знать?! Будто у меня забот не хватает...

– Кто же мог предполагать...

– Ты мог, обязан был предполагать, не опускайся до оправданий. За то, что не сообщил о карабине учетчикам, ты свое получишь, как и они, что не потребовали. Давай в отдел, будем думать, как выходить из положения.

Я вспомнил скалы Ховенвипа, мерзкий посвист пуль, влипавших в камень рядом с телом, и понял отца. И Лапарру. Карабин «дракон» в руках маньяка – это страшнее стихийного бедствия!

– Бежишь? – окликнул меня отец, продолжая колдовать на кухне. Вмешиваться в разговор с Яном он не стал.

– Извини, ты, кажется, прав, па, я в отдел.

– А что я матери скажу?

– Ты же видишь, в какое положение я попал. Придумай что-нибудь, скажи – пошел в спортзал.

Я вздохнул, представив, как огорчится мать – в последнее время мы почти не разговаривали по вечерам, и шагнул за порог. Вечер я себе испортил окончательно. И не только себе...

Информация к расследованию

*Атлантический океан,
район подводной горы Роккевей,
апрель 28—208*

Не видимая глазу холодная масса воздуха диаметром около двух километров опускалась с неведомых высот к океану. Чем ниже она опускалась, тем интенсивнее охлаждался воздух, зона низких температур расширялась, закручивалась, выдавливая теплые слои воздуха к Американскому материку и порождая барометрические волны – инфразвук с частотой в доли герца.

Первые слабые толчки воздуха достигли автоматических датчиков синоптической сети и включили режим повышенной опасности. Дежурные геопатруля главного центра изменения погоды Северной Америки с любопытством приняли сообщения автоматов и взялись за проверку данных. Они еще не догадывались, в чем дело, да и не могли догадаться: программа погоды над Атлантикой не предусматривала глобальных изменений в течение ближайших суток, а так как, кроме людей, никто не мог вмешаться в программу, то, по мысли дежурных, сведения о зарождении тайфуна были просто интересным казусом, сбоем в цепи автоматической сети регистраторов.

Между тем область холодного воздуха все увеличивалась, скапливаясь над поверхностью океана и закручиваясь все сильнее в спираль. Ветры из-под ее основания устремились к берегам материка, поднимая зыбь на спокойной доселе глади воды. Первый смерч образовался спустя полчаса после падения «массы холода» – невероятно быстро по меркам метеорологов. Затем образовались еще два смерча. Захватив гигантские массы воды, они слились в один и устремились в сторону Африки, постепенно наращивая скорость.

Лишь через двадцать минут опомнившиеся дежурные метеоцентра выслали к восточной окраине Северо-Американской котловины истребители ураганов. Битва с тайфуном длилась пять часов, почти ночь, поэтому никто из пилотов-истребителей не заметил необычных эффектов, сопровождавших тайфун до его распада.

Причин возникновения необычайно холодной массы воздуха, которая и породила тайфун, отыскать не удалось. Загадка тайфуна «Роккевей» вошла в сводку происшествий климатологов Академии наук Земли и была похоронена под слоем других информационных сообщений, требующих дополнительного анализа.

Витольд Сосновский

Свысоты в четыреста метров Ховенвип выглядел иначе, чем с горизонтали земли. Я долго разглядывал хаос кроваво-красных, причудливо-чудовищных гребней, фестонов и шпилей, среди которых проглядывали иногда ровные столообразные участки, и меня все больше увлекала красота этого дикого уголка природы, не тронутого, хотя бы внешне, руками человека. Теперь нам предстояло разобраться в том, что же люди соорудили в глубинах этих гор и ради чего они когда-то посягнули на такую неповторимую ни в одном из районов Земли красоту.

– Не налюбовался? – подошел ко мне Игнат. С ним был невысокий, но плотный – этакий крепыш-боровичок – начальник летающей лаборатории БИИМ-3 по фамилии Юранов. У начальника были седые виски и совершенно ледяные глаза.

– Красиво, – сказал я, невольно краснея.

– Вид хорош. – Юранов бросил взгляд вниз, как прицелился.

Летающая лаборатория – шестиугольная платформа размером с треть поля зимнего стадиона, накрытая прозрачным изнутри куполом, медленно дрейфовала на юго-восток над заповедником Ховенвип. Десять человек ее команды готовились к пуску аппаратуры научно-исследовательского комплекса.

– Итак, что мне вводить в программу? – обратился к Игнату начальник БИИМа. – Какова сфинктура объекта?

– Сфинктура?

– Что, незнакомый термин? Ввели его около двухсот лет назад, и происходит он от слова «сфинкс». Обозначает степень загадочности объекта, качественные характеристики его таинственности.

– В таком случае сфинктура плато Ховенвип – искусственные сооружения в его недрах: туннели, машины, аппаратура, кабели связи, волноводы, энерговоды и тому подобное.

– Годится. Этот комплекс проходит последние полевые испытания перед дальней звездной заброской, ваш запрос решили удовлетворить в первую очередь. После Ховенвипа нам предстоит работать под водой – это уже заказ археологов.

Они направились по кольцевому коридору ко входу в центральный зал лаборатории, разговаривая на ходу. Я поплелся сзади, с одной стороны, захваченный потрясающей дикой красотой Ховенвипа, а с другой – осознающий свою ненужность на борту этого летучего агрегата.

Зал лаборатории был круглым, с прозрачным потолком и мерцающими стенами от работающего вхолостую панорамного виома. У пульта управления интеллекторными системами сидели операторы в черно-голубых комбинезонах с короткими рукавами. Напротив входа в зал в сплошном кольце виома выдавалась ниша, в глубине которой прятались еще один пульт и кресло. Юранов направился к нише и поманил нас за собой.

– Это пульт пилота и начальника исследовательской группы. На время испытаний команду парадом я. Садиться не предлагаю – некуда, так что придется потерпеть.

Начальник сел в кресло, привычно ткнул пальцем в квадрат сенсора общего включения.

– Внимание! Сфинктура третьего типа, класс подземный, степень опасности не определена, принимаем индекс «Ад-01». Готовность три минуты.

Я с любопытством выглянул из ниши в зал. Операторы лаборатории уже надели ежистые шлемы эмканов, по залу разбежались, словно рассыпанные горстью, странные звуки: попискивания, тоненькие звоночки, шелесты, басовитые тихие гудки.

– Людей внизу нет? – оглянулся начальник лаборатории. – Можем ли мы использовать жесткую компоненту в излучении интравизоров?

– Людей внизу быть не должно, – сказал Игнат, подумал и добавил: – Но полностью гарантировать не могу. Наши патрули, конечно, прочесали Ховенвип с утра, перед запуском БИИМа, но...

– Понятно.

Юранов не спеша натянул эмкан и вдавил красный грибок кнопки в углу пульта. Над лесами и горным хаосом Ховенвипа разнесся вопль сирены.

Прозрели стены ниши, исчез зал за спиной, мы оказались висящими в воздухе без опоры. За то время, пока длился наш разговор, лаборатория добралась до холмистой серой равнины, почти лишенной растительности.

– Откуда начнем? – обернулся Юранов к Игнату.

Тот нашел глазами участок плато, от которого мы успели удалиться на несколько километров, и кивком указал на него.

– Вернемся к уступу, видите? Оттуда можно пойти по разворачивающейся спирали. Местность там уже обследована, однако новые данные не помешают.

– Разве здесь уже работал БИИМ?

– Работали эксперты с обычной переносной аппаратурой и, как мне кажется, участок захватили недостаточный для всестороннего анализа.

Юранов повернул лабораторию назад, и через несколько минут мы снова очутились над стопятидесятиметровой стеной, испещренной узорами выбоин, трещин и пещер. С высоты было особенно заметно, что стена отделяет каменные джунгли от джунглей лесных.

– Ориентир – белый флаг слева, у двух пещер.

На пульте метнулись световые стрелы и сложились в красную надпись: «Пуск программы». Снова над скалами раздался грозный вой сирены.

В зале, отделенном от нас призрачной стеной светозавесы, звуковая обстановка не изменилась, но мне показалось, что воздух вокруг странно загустел и завибрировал на грани слышимости, и где-то внутри меня родилось ощущение тревожного напряжения гигантского копья, нацеленного в спину из зала и готового вот-вот сорваться и ударить...

Я поймал оценивающий взгляд Игната и криво улыбнулся, хотя обмануть его, конечно, не мог.

– Не пугайтесь, не оборачивайтесь, – произнес начальник БИИМа, в то время как руки его бегали по сенсорной клавиатуре пульта. – Включилась АРЗ. С непривычки ощущение не из приятных.

Я расшифровал аббревиатуру АРЗ как «антирадиационная защита» и успокоился.

Лаборатория прошла над стеной. Из зала за спиной донеслись оживленные голоса операторов. Я из любопытства высунул голову из-за светозавесы и удивился: зал тонул в темноте, лишь напротив каждого пульта, слабо освещенного призрачной иллюминацией индикаторов, светились экраны дисплеев, не рассеивая мрака уже на расстоянии ладони.

Внезапно лаборатория замедлила движение.

– Девятый, Левченко! – резко окликнул начальник лаборатории. – Ваш канал выпал из резонанса, извольте не зевать!

– Автомат обрабатывает повышение радиационного фона, – отозвался невидимый Левченко обиженным тоном. – Прошу две минуты на топосъемку.

– Следите внимательней за изменением рельефа. Даю две минуты. Всем остальным – повтор серий.

Юранов жестом поманил Игната. Я тоже придвинулся ближе.

– Посмотрите-ка, это вам знакомо?

На черной, доселе непрозрачной панели справа от пульта проявился странный светлый узор, похожий на рисунок червяка-древоточца на коре дерева.

– Штреки?

– Система пещер, в которой некоторые естественные ходы соединены искусственными туннелями. Глубина самой нижней пещеры около ста шестидесяти метров.

Игнат некоторое время рассматривал изображение, потом покачал головой в сомнении:

– Никак не сориентируюсь...

– Это флаг, – ткнул пальцем в панель Юранов.

Игнат кивнул. Судя по всему, ему было интересно, а мне становилось скучно.

Словно почувствовав перемену в моем настроении, Игнат посоветовал мне пройти в зал, а Юранов, откровенный и лаконичный, как скальпель хирурга, добавил:

– Там у входа есть кресло наблюдателя, подключитесь к машине, отвечающей за синтез полученных сведений и отмечающей к тому же все выявленные элементы искусственности вашего объекта. Если же не хотите терять время – берите машину и летите по своим делам. Работы у нас часа на три-четыре, плюс обработка результатов поиска. Закончим – сообщим.

Игнат поразмышлял, посматривая на мою удрученно-ждушую физиономию, и принял последнее предложение.

– Не очень романтическая профессия, – сказал он в пинассе, глядя на уплывающую от нас лабораторию, похожую на отломившийся снежный купол одной из гор. – Да, стажер?

– Не очень, – пробормотал я, чувствуя угрызения совести. Думал я в это время о своей профессии и о том, что доминантой спасателя во все времена было терпение. То есть именно то, чего мне не хватает. Игнат, конечно, об этом не скажет, но подумает, ушел-то он из лаборатории из-за меня. Хотя, с другой стороны, дел у нас достаточно, а начальнику БИИМа мы были не нужны.

– Вот это уж точно! – сказал вдруг Игнат одобрительно.

Я не особенно удивился. Видимо, снова утратил контроль над лицом, врагом моим.

Мы сделали круг над голубоватыми холмами пыли, и вдруг взгляд Игната остановился. Что он там увидел, внизу?

– Черт побери! – раздельно сказал Игнат. – Как это я с первого раза не заметил?

Я не успел ничего спросить, как мы уже пикировали вниз и через минуту головокружительной карусели приземлились на обрыве возле букового леса. И только выйдя из кабины пинасса, я понял, в чем дело.

Деревья в лесу неестественным образом были искривлены, наклонены в сторону обрыва. Вернее, не искривлены, а как бы расплавлены и раскатаны – других терминов не подберешь – в плоские языки, доскообразные стены, изогнутые лопасти, усеянные наплывами и утолщениями. Ветви деревьев тоже изменились, превратились в канделябры и фестоны, а листья вытянулись в длину и походили на зеленые перья с жемчужным отливом.

Игнат обошел несколько буков, дотрагиваясь до них рукой, присвистнул и присел на корточки. У ног его начиналась россыпь каких-то мелких зеленых пузырей, густо усеявших взгорбок обрыва.

– Знаешь, что это такое? Догадайся.

Я подошел, неосторожно наступил на один из пузырей, и тот превратился в мокрое пятно.

– Тише, медведь! Это трава, понял? Жди меня здесь, попробую вызвать бригаду экспертов-биологов. Такого, брат, мы еще не видали.

Я кивнул, ошеломленный настолько, что был в настоящий момент только зрителем, а не помощником инспектора безопасности.

Информация к исследованию

Остров Сан-Мигел,

Азорские острова, май 12-2008

Сан-Мигел ничем не выделяется из островов Азорской гряды. Гористый, с обилием термальных источников, он суров и не слишком приветлив и требует постоянного внимания со стороны Атлантического сектора УАСС Земли, потому что входит в сейсмически активную зону земного шара.

Три сейсмостанции, установленные на острове, контролируют малейший шорох в его недрах, и уже больше века в районе Азор не случается мощных землетрясений и вулканических взрывов: аварийные бригады геопатруля вовремя предотвращают попытки бунта земных недр.

Известно, что активность недр не проявляется внезапно. Прежде чем родиться землетрясению или вулкану, идет долгая подготовка в глубинах астеносферы и мантии Земли, на границах континентальных глыб и срединных океанических хребтов – в местах разломов земной коры. Земля уже давно была окутана глобальной сетью автоматических сейсмостанций и вычислительных геокомплексов, выдающих долговременные прогнозы поведения недр во всех точках планеты; машины, как правило, ошибались редко. Но то, что случилось двенадцатого мая на острове Сан-Мигел, ни автоматы, ни люди предусмотреть не могли.

В полдень сейсмостанции острова зарегистрировали необычные электрические явления в районе кальдеры вулкана Фурнаш, расположенного в его восточной части. Пока озадаченные диспетчеры геопатруля сверяли сводки по Атлантике с поступившим сигналом, в недрах Сан-Мигела зародились странные звуки, сопровождаемые вибрацией, с амплитудой в десятки доли миллиметра. По всем признакам вот-вот должно было начаться извержение вулкана, в то время как карты прогнозов выдавали на ближайшие сутки и вообще на год вперед полнейший штиль в районе Азор.

Спустя полчаса скрипы и участвовавшие подрагивания почвы на всех островах Азорской дуги показали, что давление лавы ближайшего к поверхности океана магматического очага превысило допустимую норму и лава начинает пробиваться из глубин по древнему жерлу вулкана Фурнаш. Еще через пять минут последовал первый громовой удар неожиданно проснувшегося вулкана.

Когда к Азорским островам прибыли модули геопатруля, остров Сан-Мигел был окутан тучей пепла, дыма и пара, сквозь которую проглядывали факелы пламени и языки лавы, сползающие в океан.

После двухчасовой схватки стихия покорила людей, вулкан успокоился, дым рассеялся, и взорам спасателей предстал удивительный новый ландшафт острова: из свежего поля лавы торчали изъезженные порами каменные клыки – все, что осталось от конуса вулкана Фурнаш. В радиусе километра поле лавы тоже было пористым и покрытым зеленоватым налетом. Такой след оставляет ТФ-космолет, стартующий с поверхности Земли в рейсовом режиме. А из центра лавового поля торчал странный предмет: не то искореженная ферма какого-то моста, не то скелет апокалиптического зверя длиной в километр!

Из двухсот жителей и отдыхающих на острове удалось спасти сто семьдесят девять человек. Трое из них умерли по пути в клинику на Азорах от внезапной остановки сердца, остальные твердили о жутком холоде, предшествовавшем извержению, о «чудовище, пляшущем над вулканом», о необычном беспричинном страхе, охватившем их перед извержением, и о прочих странных вещах...

Игнат Ромаши

Результаты разведки, проведенной над Ховенвипом с помощью киберкомплекса БИИМ, которыми оснащали дальние звездные экспедиции, стали известны только к вечеру.

По своему личному каналу я получил кассету, разобрался в сопроводительном послании. Всего в кассете было пять кристаллов. Три из них содержали записи физико-геологических свойств плато Ховенвип, в четвертом были витайры – цветные объемные снимки подземного мира Ховенвипа, выполненные в различных диапазонах электромагнитного спектра, в пятом – обнаруженные объекты искусственного происхождения, вернее, их изображения.

Отработав обязательную дневную норму физподготовки: час – разминка и тренировка гибкости и подвижности мышц, час – доведение до автоматизма приемов тайбо, – я позвонил домой, сказал, что задержусь, создал в кабинете вечернее освещение и сел в кресло, смакуя возникшее чувство соприкосновения с тайной.

Первый витайр отображал всю сложную систему подземелий Ховенвипа. Я сравнил новый снимок с имеющимся в архиве и сразу заметил отростки туннелей, неизвестные ранее. Но не это привлекло мое внимание: на схеме пересекающихся извилистых ходов горели огоньки найденных искусственных объектов. В основном – прямые туннели, одетые в бетонно-броневой каркас, но были и другие находки: бункера, трубопроводы, камеры, какие-то агрегаты и машины. Кое-что из этого было уже исследовано в процессе следствия по делу погибших чистильщиков – ряд пустых камер вокруг бункера с бактериологическим оружием, стены и военные машины, однако я нашел и совершенно новые объекты, о которых ни документы архива, ни материалы следствия ничего не упоминали. Например, странная полость в форме идеального шара, рядом бункер, соединенный с полостью металлической трубой, сложный агрегат в узком каменном мешке – скорее всего старинный термоядерный реактор, станция с электропоездом – недалеко от того места, где мы с Витольдом нашли в ущелье рельсы. Все эти находки группировались примерно в четырех километрах от места гибели чистильщиков, немудрено, что эксперты не смогли полностью разгадать тайну Ховенвипа, скрытую скальной толщей в полтора-два метра. Больше всего меня заинтересовала шаровидная пустая полость, к которой подходили пучки труб разного диаметра и десятки кабелей. Эвакуированный центр управления всем подземным хозяйством лаборатории? Стендовый зал? Полигон?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.